

*Здесь у костра не хвастают, не лгут,
не берегут добро на всякий случай...*
Юра Сотников

О КАМИЛЕ ЗИГАНШИНЕ И ЕГО ПРОЗЕ

Проза Камиля Зиганшина подробна, натуральна и вместе с тем высокодуховна. Звери, птицы, деревья, скалы, реки присутствуют в ней не в качестве фона, на котором разворачиваются действия, а, наполненные добротой и талантом художника, живут, дышат и разговаривают, пытаются донести до читателя простую мысль: человек не царь Природы, а лишь её часть и, если честно, не лучшая.

Его повести об обитателях тайги «Щедрый Буге», «Маха, или История жизни кунички», «Боцман», «Возвращение росомахи» сразу покоряют и очаровывают сочностью, красочностью языка, живописными картинками природы, прекрасным знанием повадок зверей и, что немаловажно, увлекательным сюжетом. Их с удовольствием читают люди любого возраста. И в его романах о старообрядцах «Скитники», «Золото Алдана», выдержавших не одно издание, также много глав посвящено диким животным.

Прожив несколько лет в дебрях Уссурийского края, Камиль научился думать и чувствовать по-звериному. Смотреть на всё глазами своих героев. Благодаря такому взгляду изнутри и мы – читатели – проникаемся любовью, уважением к ним, нашим «братьям меньшим», как говорил Сергей Есенин.

К повести «Возвращение росомахи» писатель использовал для эпиграфа слова Дерсу Узала из одноимённой книги В. К. Арсеньева: «Звери тоже люди, только говорят на своём языке и ходят на четырёх ногах!». Это кредо и самого Камиля Зиганшина.

К сожалению, в обществе бытует упрощённое представление о жизни животных. Их поведение упорно и эгоистично трактуется как совокупность рефлексов и инстинктов. Мол, нет у них рассудочной деятельности, что она присуща только человеку! Но, если приглядеться, действия и поступки многих животных, как домашних, так и диких, каждодневно доказывают: не всё в их поведении объясняется инстинктами. Они... мыслят! У каждого из них, как и у людей, свой характер, свои привычки, свои цели. А жизнь

иных сообщений организована до того гармонично и целесообразно, что впору и людям поучиться.

Повесть Камила Зиганшина «Щедрый Буге» как раз об этом.

Приглашаю читателей погрузиться в необычный, первозданный и волнующий мир Сихотэ-Алинской тайги.

*Николай Николаевич Дроздов,
профессор Географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
автор и ведущий телепередачи «В мире животных»*

ЧАСТЬ I

*Человек за всё должен платить, а за удачу особенно.
Лукса*

ВЛАДЕНИЯ ЛУКСЫ

15 октября 1974 года.

Под нами величественная панорама безлюдной, дикой местности: хребты, межгорные впадины, быстрые пенистые речки. В той стороне, куда мы летим, особняком возвышается плотная группа скалистых гольцов.

Пассажиров в вертолётe двое. Я и мой наставник Лукса, удэгеец лет пятидесяти.

Опытный промысловик расположил меня к себе с первого взгляда. Невысокий, худощавый, подвижный. Сильные руки, словно кора старого дерева, испещрены глубокими трещинками морщин и перевиты набухшими венами. Мороз, ветер, солнце, дым костров пробудили его скуластое лицо с реденькой растительностью над верхней губой и на подбородке. В чёрных прямых волосах несмелый проблеск седины. Живые тёмно-карие глаза, словно магниты, невольно притягивают взор. Впечатление такое, что они всё время смеются, радуясь жизни. Глядя в них, и самому хочется улыбнуться и сделать что-то хорошее, доброе.

Он сидит напротив и успокаивающе поглаживает собак. Я же с волнением всматриваюсь в проплывающие под нами кряжи древнего Сихотэ-Алиня и никак не могу поверить в то, что моя заветная юношеская мечта исполнилась: я принят на работу в Лазовский госпромхоз Хабаровского края штатным охотником и скоро окажусь на промысловом участке, охватывающем бассейн ключа Буге — левого притока реки Хор...

Вертолёт вошёл в крутой вираж и, сделав два круга, мягко опустился на заснеженную косу, отделяющую устье ключа от реки. Наши собаки, Пират и Индус, ошалевшие от грохота двигателя, спрыгнули на снег, едва открылась дверь. Мы же, прежде чем выйти, сбросили на косу нехитрый багаж. МИ-4 прощально взревел и, обдав нас колючим вихрем, взмыл в небесную синеву.

Мы огляделись. Над нами торжественно и необъятно голубело небо. На снегу ни единого следочка. Мне представилось, что это чистый лист бумаги, на котором нам предстоит записать историю охоты длиной в сто двадцать дней.

Вокруг громоздились типичные для этих мест крутобокие сопки, щетинящиеся, словно встревоженные ежи, островерхими, тёмными елями и более светлыми разлапистыми корейскими кедрами. На противоположном берегу, над Хором отрог, обрывающийся в речную гладь неприступной двухсотметровой стеной. Его гребень украшали огромные, источенные временем каменные иглы и зубчатые башни, напоминающие развалины старинной крепости.

Хор ещё не встал и тянулся холодной, чёрной лентой, разрезая белое покрывало. Сквозь прозрачную воду были видны лежащие на дне пёстрые, обезображенные брачным нарядом и трудной дорогой к нерестилищу кетины. Уровень воды в реке упал, и часть рыбин оказалась на галечном берегу. Наши собаки тут же воспользовались возможностью полакомиться. В их довольном урчании слышалось: «Райское место! Тут голодать не придётся!»

* * *

Так получилось, что Лукса в преддверии сезона остался без напарника. Его товарищ Митчена, деливший с ним радости и невзгоды промысловой жизни в течение многих лет, совсем потерял зрение и перебрался к дочери в райцентр — Переяславку. Это обстоятельство меня и выручило. Лукса, правда не без колебаний, согласился взять меня — городского, неопытного очкарика на свой участок.

Хотя день только начинался, удэгеец поторапливал: предстояла большая работа по обустройству становища.

Взбираясь на берег, услышали задорный посвист. Его невозможно спутать ни с каким другим лесным звуком — рябчик! Судя по мелодии, петушок. Лукса движением руки остановил меня, а сам спрятался за ствол ели и, достав самодельный манок, ответил более глухим переливом курочки. По треску крыльев было понятно, что рябчик перепорхнул ближе. Он опять подсвистел. Хлопки слышались совсем рядом. Тут и я разглядел петушка. Вытянув шею и нетерпеливо переступая по ветке берёзы, он высматривал подружку.

— Живой, — радостно прошептал охотник. — Четвёртый сезон так встречает. Со всем свой стал.

Луксин «свояк» подлетел ещё ближе и с явным интересом разглядывал нас. Вынырнувший из кустов Пират, не разделяя чувств хозяина, с лаем запрыгал под деревом. Петушок востропнулся и, спланировав, растворился в буреломной чаще.

Надо сказать, наши четвероногие помощники резко отличались друг от друга. Пират — рослый, нахрапистый, с хорошо развитой мускулатурой, быстрой реакцией и нахальными глазами. Индус, напротив, — вялый, тщедушный. При появлении Пирата он поджимал хвост и отходил в сторону. Столь же резко собаки различались и по окрасу. Пират белый, только кончики подвижных ушей и хвоста чёрные, а Индус серо-бурый. Попал он в нашу компанию случайно. Когда мы загружали в удачно подвернувшийся вертолёт мешки со снаряжением и продуктами, на краю поляны сидел и наблюдал за нашей беготнёй одинокий пёс. Я на ходу кинул ему кусок хлеба. Тот, не жуя, проглотил его и бочком, не сводя с меня грустных глаз, подошёл к трапу.

— Быстрее поднимайся, летим, — крикнул мне Лукса.

Оказавшись в салоне, я оглянулся. Собака молча, одними глазами, просилась к нам.

— Может, возьмём? Вдруг у неё талант к охоте?

— Бери, бери. Пиратке веселей будет, — согласился наставник.

Перетаскав вещи к становищу, занялись дровами. Двуручной пилой кое-как свалили сухостойный кедр. Отпилили и раскололи несколько смолистых чурок. Комель был настолько насыщен смолой, что полено, брошенное в воду, тонуло, как камень. Отвалившиеся от ствола куски красноватой ребристой коры изнутри были усыпаны личинками, куколками — что-то недоглядели дятлы за лесным патриархом. На ночь кедр не годился — быстро сгорает. Поэтому напилили ещё и сырого ясеня. Он горит долго и даёт много жарких углей.

Очистив на небольшом пяточке, свободном от кустов, землю от снега, поставили удэгейскую палатку с матерчатыми сенями, вроде половинки небольшого чума. (В них удобно хранить дрова и капканы). Главной особенностью удэгейской палатки является то, что она устанавливается не с помощью стоек и колышков, а крепится внутри каркаса из жердей. Очень удобная конструкция для зимы, когда колышки в промёрзшую землю забить практически невозможно.

Посреди палатки поставили жестяную печурку. По обе стороны от неё накидали лапника, расстелили кабаньи шкуры, поверх них — спальные мешки. Отпиленную от ясеня низенькую, но увесистую чурку-столлик пристроили в головах между спальниками. Слева и справа от печурки уложили сырые ольховые брёвнышки: чтобы спальники и одежда не подгорали. Под коньком закрепили перекладину с крючьями для сушки одежды. Закончив обустройство жилища, смастерили между тремя пихтами на высоте около двух метров настил для хранения продуктов — лабаз, а под ним шалашики для собак из мягких ветвей пихты.

Индус тщательно обследовал обе «конуры» и лёг в ту, что счёл удобней. Заслышав приближение убежавшего было Пирата, он притворился спящим. Но тот не проявил ни малейшего интереса к пихтовым гнёздам, а усевшись возле груды дров, принялся выкусывать кусочки льда, намёрзшие между подушечками пальцев.

Завершив «строительные» работы, мы уселись на поваленную сушину и, наконец, расслабились. Довольные проделанной работой, с наслаждением наблюдали заход светила.

Золотистый свет плавно скользил по снегу, стволам деревьев. Поднимаясь всё выше и выше, он выманивал из глухих распадков и ложбин таившуюся там серую мглу. Ряд за рядом темнели деревья, сопки. Вот потемнела и макушка самой высокой. Лёгкие облачка ещё некоторое время отражали прощальный свет солнца, скрывшегося за обгорелыми зубцами сопок, но и они вскоре потускнели, погасли. Нарождающаяся ночь осмелела, выползла из мрачного ущелья, укрывая всё окрест чёрным покрывалом. Тайга и небо слились. Неясные силуэты деревьев проступали только вблизи, принимая самые фантастические очертания.

Проводив день, забрались в палатку, зажгли свечу. Лукса набил чрево печурки поленьями и запалил смолистую щепу. Железные бока вскоре порозовели и стали щедро возвращать накопленное кедром за добрую сотню лет солнечное тепло.

Приятно запахло хвоей. Палатка постепенно наполнялась жилым духом. Заварив чай, устроились пить живительный напиток вприкуску с прихваченной с собой оленьиной.

— Лукса, а почему вы зимовье не постройте? — задал я давно вертевшийся на языке вопрос.

Бросив исподлобья сердитый взгляд, охотник пробурчал:

— Было зимовье... Вместе с Митченой рубили. Летом на рыбалку приплыл — одна зола. Туристы сожгли, ёлка-моталка. После охоты, как вода спадёт, новое рубить буду. Место присмотрел. Вверх по ключу, километра два отсюда. Там никто не найдёт...

Сам я — заядлый турист, и мне стало не по себе от услышанного. К сожалению, в походы ходят не только неугомонные романтики, любящие природу, но и те, для кого она — объект для безрассудных и безответственных развлечений.

Перекусив, разгоряченные теплом и горячим чаем, повалились на ватные спальные. По брезентовым скатам палатки уютно плескались блики света, пробивавшегося сквозь щели печурки.

— Что-то потно стало. Подними полог, — попросил Лукса.

Пахнуло прохладной свежестью. Спать расхотелось. Меня распирало любопытство, и мне показалось, что настал подходящий момент расспросить удэгейца о его самобытном лесном племени, кочевавшем прежде в глуши сихотэ-алинской тайги. Трудно поверить, но из-за оторванности от внешнего мира эти люди ещё совсем недавно жили по законам родового племени.

Лукса в ответ на мою просьбу вынул изо рта короткую трубку, с минуту помолчал, собираясь с мыслями, и стал неспешно вспоминать.

Я слушал и живо представлял картины недавнего и, в то же время, такого далёкого прошлого.

...С десяток островерхих, крытых корой чумов, прилепившихся к подножью крутобокой сопки на берегу порожистой реки Сукпай. Над кострами дымятся котлы. Вдоль косы, между навесов с юколой, бегают черноволосая ребятня. Женщины отминают, коптят шкуры зверей, тайменей. У одной из них в удобной заплечной люльке сладко спит младенец. В чумах, в женской половине, старухи шьют улы* и одежду, ладят берестяную посуду. Тут же, на кабаньих и медвежьих шкурах, копошится мелюзга — будущие охотники. В тени деревьев старики, ловко орудуя топориками, мастерят — кто лёгкие нарты, кто ходкую оморочку**. Молодые, сильные мужчины ушли с собаками на охоту. Мало кто из них вернётся с добычей. Тайга хоть и богата, копьём много не добудешь, а для нескольких ружей, купленных у торговых людей на Амуре, давно нет боеприпасов.

Время от времени племя потрясали опустошающие эпидемии, разбойничьи нападения жестоких хунхузов***. межродовая вражда...

Меж тем негромкий голос Луксы продолжал:

— Как дошла Советская власть, стало легче. Бесплатно дома строили, карабины, патроны, продукты, посуду, инструмент давали. Перед войной хозяйства на Саях и Джанго были. Я в «Красный охотник» на Саях записался. Теперь там никто не живёт — всех в одно хозяйство согнали, ёлка-моталка. Ниже Джанго Гвасюги построили. Зачем так делали? До участков совсем далеко стало.

— Погоди, ты же говорил, что ваш род по Сукпаю кочевал?

— Оттуда я ушёл ещё мальчишкой, сразу как отца с матерью после большой болезни потерял. Мать шибко любил. Её украшения с ней в могилу положил. Осенью двуногий шатун могилу рыл и всё унёс! Как лёд сошёл, в Тигровой протоке кое-что нашли в карманах уопленника. У меня сохранилось только вот это.

Лукса расстегнул ворот рубашки и показал висевшую на шее небольшую серебряную фигурку улыбающегося человечка с узкими щёлочками глаз и пухлыми щеками. Судя по размеру живота и халату с замысловатыми узорами, человек этот был не бедный. На поясе, в углублении, таинственно мерцал какой-то камешек, а на спине четыре иероглифа.

— Что здесь написано?

* Улы — кожаная обувь с суконным голенищем.

** Оморочка — маленькая долблёная лодка.

*** Хунхузы — китайские разбойники, грабители.

— Не знаю. Спрашивал у экспедиции, тоже не знают. Просили дать «китайца» показать учёному. Но как дашь? Память! Главный знаки срисовал. Обещал написать, да забыл, пожалуй.

Бесспорно, многое изменилось в жизни удэгейцев, но основные занятия остались прежними. Летом охотники заготавливают панты^{*}, женьшень, элеутерококк, кору бархата амурского, ягоды лимонника, брусники, клюквы. Осенью ловят рыбу. Зимой на закреплённых за каждым штатным охотником участках промышляют пушнину, заготавливают мясо диких зверей.

Бывалый промысловик, взволнованный воспоминаниями, курил трубку за трубкой. В палатке слоился сизый дым.

Я вышел подышать свежим воздухом и застыл, потрясённый увиденным.

Полная луна заливала тайгу невообразимо ярким светом. Небо не чёрное, а прозрачно-сиреневое, и на нём не сыскать ни единой звёздочки. Кедров вокруг — словно былинные богатыри. В просветах между ними мерцают бриллиантовыми искорками крупные снежинки. Река перламутром выливается из-за поворота и, тускнея, убегает под хребет, заглатывавший её огромной каменной пастью. Боже, я попал в сказку!

Кликнул Луксу. Он тоже потрясён, и что-то шепчет на своём языке. Притихшие, вернулись в палатку, однако, не выдержав, я вновь вышел и долго стоял среди этой неземной красоты. От избытка чувств вонзил в тишину этой необычной ночи полурёв-полустон. Эхо, недовольно откликнувшись, заметалось по распадкам и стихло в сопках.

ТАЁЖНАЯ АЗБУКА

Утром, пока в печке разгорались дрова, Лукса успел одеться, умыться. Подогрев завтрак, он растормошил меня:

— Вставай, охоту проспишь.

Я вылез из спальника, размял затёкшие ноги и налил в эмалированную кружку чай.

— Чего не умываешься? — удивился Лукса.

— Холодно, — поёжился я.

— «Холодно, холодно», — передразнил он. — Как со вчерашним лицом ходить будешь? Тайга пугается. Соболь уйдёт, ёлка-моталка.

Поневоле пришлось натягивать улы и выходить на мороз. Зачерпнул ключевой воды и обдал лицо. От первой пригоршни сжался, как пружина, — ох и жжёт! Вторую уже не почувствовал, а третья даже вызвала прилив бодрости. Настроение поднялось, захотелось поскорее приняться за дела. На дне ключа заметил золотистые чешуйки, вымытые водой из кладовых сопки. Интересно, что это за минерал? Подцепил на лезвие ножа одну пластинку и понёс показать Луксе.

— Я не понимаю в них, — простодушно признался тот.

— На золото смахивает.

— Может... Раньше китайцы мыли здесь. Такие чешуйки и в соседних ключах встречаются.

После недолгих сборов Лукса повёл меня учить премудростям промысла пушнины.

Мягко ступая, он ловко лавировал в густых зарослях: только суконная шапка-накидка мелькала в просветах между стволов. Мне приходилось то и дело ускорять шаг, чтобы не отстать. Большое преимущество в росте не выручало. Умение Луксы

^{*} Панты — не окостеневшие рога изюбря, пятнистого оленя, марала. Народная медицина считает, что панты возвращают молодость, изгоняют хворь.

безошибочно выбирать самый удобный путь в густой чаще поражало. И если я пытался самостоятельно найти более короткий и удобный проход, то отставал ещё больше.

При ходьбе охотник не расставался со специальным ясеневым посохом — первойшей принадлежностью каждого удэгейца-промысловика. Выглядит он так: верхний конец широкий в виде лопаточки (она используется для маскировки капканов снегом), в нижний врезан кривой и острый клык кабарги. Им тормозят и рулят при спуске с крутых склонов на лыжах.

С остановками миновав пойменный лес, полезли в сопки. Лукса учил читать встречавшиеся следы, определять их свежесть.

Гладкий, округлый след, по его словам, бывает у здорового, упитанного соболя; узкий, неровный — у слабого, худого. У такого и шкурка плохая. мех редкий, тусклый. У сильного соболя мах прыжков широкий, почерк стёжки спокойный, уверенный. В тёплую снежную погоду ходят только молодые соболя, да и те крутятся возле гнёзда.

Соболь шагом не ходит, а скачет, становясь на обе лапки одновременно. Бежит обычно двухчёткой: задние лапы точно попадают в след передних, получая уже утрамбованную опору для прыжка. Бывает, что соболя «троят», очень редко «четверят». Это когда одна или обе задние лапы не попадают в след передних. Случается такое во время гона и при скрадывании добычи.

После «лекции» Лукса перешёл к практическим занятиям. Показывал, как ставить капканы на норку, соболя, колонка. Я старательно впитывал и запоминал всё, чему учил наставник. Главный вывод из всего услышанного: успех охоты зависит, прежде всего, от того, насколько удачно выбрано место для ловушки и насколько искусно ты сумел её замаскировать.

На излучине реки вспугнули стайку рябчиков. Лукса влёт сбил одного. Птицы с шумом разлетелись в разные стороны. Одна из них спланировала на ель неподалёку от меня. Прячась за стволами, выстрелил в неясный силуэт. Рябчик камнем упал вниз. Но, подбежав, я ничего, кроме перьев, на снегу не обнаружил.

Обойдя впустую вокруг дерева несколько раз, покричал собак, но тех и след простыл. Удручённый, пустился догонять наставника. Узнав про оставленную дичь, он нахмурился.

— Уф, манга*, уф, манга! Нельзя птице без пользы пропадать. Показывай, где стрелял.

Осмотрев разнесённые ветром перья, Лукса облизнул палец, поднял его вверх и юркнул в кусты. Покопавшись в снегу, вынул убитого рябчика.

— Никогда не бросай — фарт уйдёт.

На протоке пересекли свежий след белки.

— На жировку пошла, — отметил Лукса.

— А может с жировки? — предположил я.

Охотник глянул удивлённо.

— Ты своей башкой думай. Смотри — прыжки большие, лапки прямо ставит — лёгкая пока. Поест — потяжелет, прыжок короткий будет, лапки ёлочкой станут.

Я смущённо молчал. Сколько же нужно наблюдательности, чтобы подметить все это!

Под елями виднелись смолистые чешуйки шишек, выдавая места её кормёжки.

— Видишь, белка кормилась?

Я кивнул.

— А где шишку грызла?

— Как где? На ели.

* Манга — плохо (удэг).

Лукса покачал головой:

— На снегу. Чешуйки плотной кучкой лежат. Когда на дереве грызёт, чешуйки широко разбросаны. Чем выше, тем шире.

В этот момент раздался быстро удаляющийся треск сучьев. Мы побежали посмотреть, кто так проворно ретировался. Вскоре увидели на снегу рваные ямы от громадных прыжков. Тут же лёжка, промятая до земли.

— Как думаешь, кто был? — ещё раз решил проэкзаменовать меня наставник.

— Олень, — уклончиво ответил я и стал лихорадочно искать глазами помёт, чтобы по форме шариков определить — лось или изюбрь.

— Ты мне голову не морочь. Какой олень? — напирал Лукса.

— Лось.

— Сам ты лось... горбатый! Говорил тебе вчера: сохатый рысью уходит. Этот прыжками ушёл. Изюбрь был. Смотри сюда и запоминай. Видишь, снег копытами исчиран. Изюбрь так чиркает, лось высоко ноги поднимает — снег не чиркает.

Видя, что я совсем скис, ободряюще добавил:

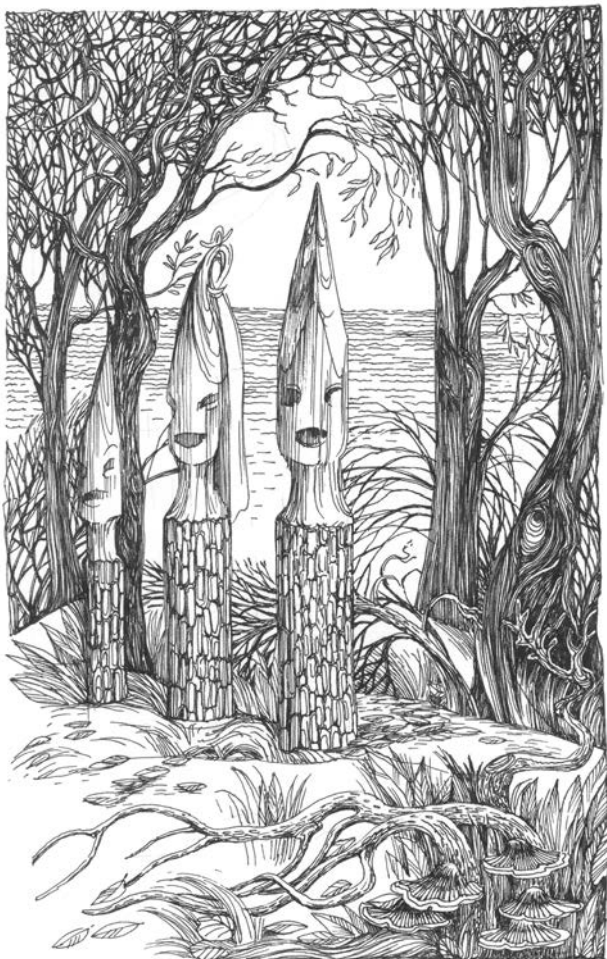
— Ничего, бата *! Поживёшь в тайге, всему научишься. Даже по-звериному думать.

На пологой седловине пересекли след бурого медведя, тянущийся в сторону господствующей над окрестностями горы Лысый Дед. Его округлая макушка в белых прожилках снега и серых мазках каменистых осыпей была совершенно безлесой. Эта особенность, похоже, и определила название.

— Миша чего-то припозднился. Они обычно под первый снег залегают.

На обратном пути вышли на крутобережье широкого, но не глубокого залива — излюбленного места нереста кеты. От Хора он отделён полосой земли, заросшей густым пойменным лесом, сплошь перевитым лианами китайского лимонника и актинидий.

На мгновение взгляд почему-то задержался на группе деревьев. Не поняв сразу, что именно привлекло моё внимание, пригляделся. Пять могучих ильмов стояли как бы полукругом, обращённым

* Бата — сын, сынок (удэг.)

открытой стороной в залив. Перед ними — проплешина, в центре которой три потемневших деревянных столбика, заострённых сверху. Когда подошли поближе, увидел, что это идолы. Грубо вытесанные, длинные потрескавшиеся и потемневшие лица равнодушно взирали на водную гладь. Я вопросительно взглянул на Луксу.

— Наши лесные духи. Большой — Хозяин, а эти двое — жена и слуга. Хозяин помогает в охоте и рыбалке, — вполголоса пояснил он.

Достав из кармана сухарь, охотник подошёл к столбикам, почтительно положил его у ног Хозяина и спустился к воде. Я задержался, чтобы сделать снимки.

— Ничего не трогал? — не сводя с меня глаз, спросил Лукса, когда я догнал его.

— Нет. Сфотографировал только.

— Тогда ладно. Давай рыбу собирать. Рыбы беда как много надо. Собак кормить и на приманку.

Переступая по валунам, мы вытащили сучковатой жердью с мелководья десятка четыре кетин и сложили в кучу. В этих рыбаках трудно было признать красавца океанского лосося. Серебристый наряд сменился на буро-красный. Челюсти хищно изогнулись и устрашающе поблёскивали серповидными зубами, выросшими за время хода на нерест. Некоторые самцы ещё вяло шевелили плавниками, изо всех сил стараясь не завалиться на бок. До последней минуты своей жизни они охраняли нерестилище — тёрку — от прожорливых ленков и хариусов.

Во время нереста в августе и сентябре сквозь чистую воду хорошо видно, как самка с силой трётся о дно, покрытое мелкими камешками. Припав к образовавшемуся углублению, она сжимает и разжимает брюшные мускулы до тех пор, пока лавина лучистых, янтарных икринок не вырвется наружу и не оседет в лунке. Плавающий рядом возбуждённый самец изливает на них молоки и присыпает оплодотворённую икру галькой. Весной из неё выведутся крохотные мальки. Окрепнув в горной речке с холодной, богатой кислородом водой, они скатятся в море. А через несколько лет уже взрослыми возвратятся на родное нерестилище. Ничто не может остановить их на пути к нему. Настойчивость и сила рыб, поднимающихся даже по двухметровым сливам, восхищает. Отметав икру, они также погибнут, чтобы дать жизнь новому поколению.

— Мало нынче кеты. Раньше, бывало, в два слоя лежали. Тысячи на зиму готовили.

— Солили?

— Как солить? Где столько соли взять?... Брюхо и спину вдоль хребта резали и сушили под навесами на ветру.

— А мясо летом как хранили?

— Чуть варили, чтобы кровь свернулась. Потом резали на пластины и, как рыбу, вешали.

Пока мы собирали кету, Пират с Индусом, бегая наперегонки по берегу, обнаружили затаившуюся под выворотнем енотовидную собаку и с лаем выгнали её оттуда.

Она напоминала заурядную дворняжку с короткими ногами. Неуклюжа, приземиста, ужасно лохмата. мех густой и пышный, серо-бурый с желтоватым оттенком. Мордочка короткая, глаза смотрят покорно, как бы прося пощады. Это, пожалуй, самое безропотное и беззащитное существо в Сихотэ-Алинской тайге.

Когда мы приблизились, енотовидная собака припала к земле и закрыла глаза, с поразительной апатией ожидая решения своей участи. С трудом оттащив возбуждённых псов, направились к стану, обсуждая увиденное за день. Радовало, что участок богатый. На пойме немало копытных, по берегам бегают норки, в сопках встречаются соболя. И, что важно, много мышей и рябчиков — их основной пищи.

— Рябчик есть — соболу хорошо. Мышь съел — опять ловить надо. А рябца ему надолго хватает, — объяснял опытный промысловик.

— Лукса, как будем участок делить? — наконец-то решился спросить я.

Напарник недоумённо посмотрел:

— Зачем делить? Где хочешь ходи, где хочешь лови. Только на соседние участки не ходи. Пудзя* сердиться будет. Выше по Хору — сосед Аки. Ты его знаешь. А ниже — Гирдо. Гирдо уже два года не охотится. Колено выпадает.

Честно говоря, я был обескуражен таким ответом. Мне хотелось, чтобы Лукса закрепил за мной определённую часть угодий, но со временем понял, насколько мудрым было его решение. Никто не был стеснён и не считал себя обделённым. Наши тропы иногда пересекались, но при этом каждый шёл своей дорогой.

Весь следующий день по сопкам с диким посвистом метался шальной ветер. Правда, нам он не мешал — мы были заняты подготовкой капканов.

Чтобы удалить заводскую смазку, отжигали их на углях. После чего напильниками сглаживали заусенцы, подгоняли сторожки. Из стальной проволоки делали на каждый капкан цепочку для крепления «потаска» — обрубка ветки, не позволяющего зверю далеко уйти.

Наскоблив с затёсов кедровой и еловой смолы, бросили её в ведро с кипящей водой. В этом бульоне поочерёдно проварили все уже подготовленные капканы. Когда их вынимали, они покрывались тоненькой янтарной рубашкой.

После такой обработки соболя, обладающие тонким нюхом, не учуют запах железа.

— Камиль, перед установкой капкана руки хвоей пихты обязательно натирай. Она пахнет сильнее и дольше, чем еловая, — продолжал просвещать Лукса.

К полуночи ветер стих. Непроницаемый войлок туч скрыл все звёзды. Мягко повалил снег. Промысловик заметно оживился:

— В снег звери глохнут — близко подойти можно. Сначала мяса запасём, потом соболя ловить начнём.

Говорит, а сам мой пятизарядный гладкоствольный винчестер всё поглаживает, да на руках покачивает.

— Какой лёгкий, ёлка-моталка! Как моя одностволка. Камиль, тут цифры 1912. Что они значат?

— Год выпуска.

— Вот это да тебе! — Лукса аж присвистнул. — Мой отец тогда только родился. Откуда у тебя такое старое ружьё?

— Друг купил во Владивостоке у одного геолога-пенсионера. В тайге, когда мы путешествовали, ему за этот винчестер огромные деньги предлагали.

— Как же тебе дал?

— Он погиб в Якутии. Ружьё — память о нём. Большой, светлой души был человек. Я ему многим обязан.

— Да, бата, молния всегда бьёт самый высокий кедр. Пудзе плохие не нужны.

...Легли далеко за полночь.

БЛУЖДЕНИЯ

С рассветом снег перешёл в дождь. Тайга потонула в промозглой сырости. Без настроения разошлись искать свежие следы копытных: хоть и непогода, а мясо добыть надо. Лукса ушёл в горы. Я же, поставив несколько капканов под обрывистым берегом на норку, побрёл по пойме ключа, надеясь отыскать кабанов. Поначалу попадались лишь волчьи следы. Гора кеты, сложенная вчера нами на берегу залива,

* Пудзя — главное божество (бог) у удэгейцев.

исчезла. На её месте лишь утрамбованный серыми круг. Съеден был даже снег, пропитанный кровью.

Миновав небольшую марь, увидел гайно^{*}. От него вверх уходили свежие следы. Решил тропить.

Табун долго двигался прямо. Наконец, кабаны разбрелись, появились глубокие порои. Я пошёл предельно осторожно. Переходя от дерева к дереву, всматривался в каждый куст, едва дыша, прислушивался к малейшему звуку. И тут, совершенно некстати, взбrehнул Индус. Раздалось испуганное «чув-чув». Мелькнув чёрными молниями, звери исчезли, оставив на мокром снегу лишь парящие клубки помёта.

В сердцах отругал пса, но он так и не понял, что совершил ошибку. Пожалуй, наоборот, даже гордился тем, что вовремя предупредил хозяина об опасности и громким лаем обратил в бегство стадо свирепых секачей.

Перейдя на пойму Буге, зашагал по сужающейся долине вверх. Тяжёлые непроглядные тучи утюжили макушки сопок. Всё вокруг в мутной пелене мороси. Уныло. Зябко. Несколько лет назад здесь пронёсся небывалой силы смерч, и долина оказалась заваленной деревьями в несколько ярусов. Сучкастые гиганты перегораживали путь всему живому, вдобавок между ними уже густо поднималась молодая поросль.

Приходилось буквально карабкаться через эти завалы, прыгать с одного скользкого ствола на другой, рискуя напороться на острый смолистый сук. Попытался протиснуться понизу, но и там не легче. Под ногами снежная слякоть, по бокам колючие кустарники и перевившие всё вокруг лианы. Колени и ладони скользят по обледенелым камням и валежинам. Каждый сучок старается выдрать клочок одежды. Одна упругая ветвь наградила меня такой пощёчиной, что свет померк от боли, а из рассечённой скулы брызнула кровь.

Неожиданно долина полезла круто вверх, и я запоздало сообразил, что поднимаюсь не вдоль Буге, а по его боковому распадку. Возвращаться назад через лесные «баррикады» не было ни сил, ни желания. Решил перевалить гриву и спуститься к Буге по соседнему распадку.

Там меня встретили труднопроходимые заросли кедрового стланика, чередовавшегося с можжевельником. Лишь по самому гребню росли берёзы, но не те нежные, стройные создания, прославленные народом в песнях, а кряжистые, скрюченные карлики с толстыми култышками ветвей. Их трудно даже назвать берёзами. Постоянные пронизывающие ветра совершенно изменили их привычный облик. Угрюмый вид этих уродцев навевал нехорошие предчувствия.

Через час мы с Индусом всё же прорвались к ложу ключа, к привычным кедром и елям, а так как уже пора было возвращаться, я повернул к стану. Иду и чувствую, что не проходил здесь. Вроде те же сопки, тот же ключ, но пойма много шире. Чтобы проверить себя, пересёк долину поперёк и остановился в растерянности — моих утренних следов на размякшем снегу не было. Очевидно, я спустился не к Буге, а в долину соседнего ключа — Джанго, на участок Гирдо.

В замешательстве огляделся. Вокруг стоял сразу ставший враждебным лес. Сверху безостановочно сыпал нудный дождь. На мне ни одной сухой нитки. Слякотно, холодно, голодно. Еды, кроме трёх размокших сухарей, никакой. Спички, первейшая необходимость, отсырели и не зажигались. Компас остался в палатке. Стало жутко.

Мокрый Индус жался рядом и преданно смотрел на меня.

— Индус, домой! Веди дружок! Выручай!.. — уговаривал я его в надежде, что пёс найдёт верную дорогу.

^{*} Гайно — зимнее кабанье гнездо, на котором звери спят, прижавшись друг к другу. Представляет собой слой срезанных клыками веток.

Тот же виновато отворачивал морду. Он догадывался, что от него чего-то ждут, возможно, даже понимал, что именно, но помочь был не способен.

Поразмыслив, я решил, что в данной ситуации мне не остаётся ничего другого, как спуститься по долине Джанго к Хору и по его берегу подниматься к становищу.

Ближе к устью Джанго пошли, чередуясь, то сплошные изнуряющие заросли колючего элеутерококка, то топкие зыбуны с вертлявыми, покрытыми копной жёсткой травой, кочками. По зыбунам ступал, замирая от ужаса. Сделаешь неверный шаг — провалишься в «окно» с ледяной жижей. Казалось, будто идёшь по слабо натянутой резиновой плёнке: при каждом шаге верхний слой упруго прогибался, и далеко вокруг расходились тяжёлые волны, покачивающие «копёнки». Бестолковый Индус плёлся сзади.

Передохнуть негде. Попытался прислониться измученным телом к худосочному стволу ели, но та с треском повалилась — слабый грунт не держит.

Вспомнились глухие завалы на реке Чуе, по которой мы с Юрой сплавились несколько лет назад. Огромные лесины, лохматые выворотни, нагромождённые осенним паводком, перекрыли обширную долину реки от хребта до хребта. Полноводный поток, будучи не в силах разнести, разорвать нагромождения лесных великанов, с рокотом разливался по широкой пойме.

Приближаться к завалам на лодке по руслу речки было опасно — мощное течение затянет под стволы и истреплет там в клочья. Поэтому шли по лесной пойме пешком с рюкзаками на спине, лодкой на голове, по колено, а нередко и по пояс в воде.

Разбои тянулись всего шесть километров, но они отняли у нас двое суток.

О! что это был за переход! Суций ад! Кругом вода. Море воды, но плыть невозможно — лодке не протиснуться между деревьями. Почва от воды раскисла, и ноги глубоко вязли в ней. То и дело проваливались в коварные ямы. В этих случаях герметичные рюкзаки выполняли роль заплечных поплавков. Из свинцовых туч безостановочно сеял мелкий дождь. Вокруг полчища мошки. Её так много, что трудно дышать. Похоже, все окрестные вампиры караулили нас на этом переходе.

Они роями набрасывались и облепляли серым пеплом все доступные участки тела. Проведёшь рукой по лицу — с пальцев кровавая кашица комочками отваливается. Шли голодные, грязные, мокрые и опухшие от бесчисленных укусов. Шаг вперёд — лодку на себя — рукой по скуланному, в серой маске лицу. Шаг вперёд — лодку на себя — рукой по лицу... И так двое суток! А как «спали» посреди этой топи — лучше и не вспоминать!!

Так что без паники. И не в таких переделках бывал!

Собравшись с силами, выбрался на островок и буквально ткнулся в длинную кисть с пятью огненно-красными рубинами ягод, свисавшую с коричневого гибкого побега с шелушащейся корой. Это были ягоды лимонника. Съев их, почти сразу почувствовал прилив сил, но, к сожалению, недолгий. Уже через километр опять захотелось прилечь. Эх, найти бы несколько таких кисточек! (Лукса говорил, что горсть ягод лимонника даёт силы весь день гнать зверя). Дальше гибкие лианы стали попадаться чаще, но ягод на них уже не было: птицы склевали все до единой.

С тоской шаря в пустых карманах, невольно вспомнил таёжную мудрость: «Идёшь на день, бери на три». К вечеру стало подмораживать. Холодный ветер обжигал лицо и руки. Мокрые штаны и куртка превратились в ледяной панцирь, и каждый шаг сопровождался их хрустом. Оказавшись, наконец, на коренном берегу Хора, с облегчением вздохнул и даже несколько раз с силой притопнул ногой, убеждаясь, что топь действительно кончилась.

Последние километры брёл как во сне. Чувства притупились, мысли путались. Их неясные обрывки хаотично блуждали в голове, и только одна, точно зубная боль, не давала покоя: не ушёл ли Лукса искать меня?

Я не сомневался, что при встрече он упрекнёт: «Тебе по тайге только с проводником ходить». Но ошибся. Наставник или был уверен во мне, или просто привык за долгую жизнь в тайге к подобным задержкам. Когда я ввалился в палатку и в полном изнеможении упал на спальник, он только пробурчал, пыхнув дымом из трубки:

— Шибко долго ходишь, всё давно остыло.

В тепле невероятная усталость сразу дала о себе знать. Мной овладело единственное желание: лежать и ни о чём не думать. Было обидно, что столько сил истрчено впустую! После этого урока взял за правило брать с собой запас еды, а спички тщательно заворачивать в полиэтиленовый мешочек. (Со временем я научусь и свободно определяться на местности. Видимо, проснётся инстинкт ориентировки).

Выпив шесть кружек чая, но так и не утолив жажду, ожил. Оглядевшись, заметил висевшие на перекладине шкурки белок.

— У тебя, Лукса, вижу, удачный день. Поздравляю!

— Не больно удачный, только трёх белок подстрелил. Смотри, уже выходные — мездра спелая. Белка линияет последней, значит, соболя тоже вызрели, — ответил промысловик и продолжил прерванное занятие — надувать очищенный зоб рябчика. В результате получился лёгкий полупрозрачный шарик, который он повесил сушить рядом со шкурками.

— Внукам игрушка. Побольше готовить надо. Внуков беда как много. Всегда на Новый год полную банку приношу.

ОТЧЕГО КАМЕНЕЮТ РОГА

Разбудил ритмичный стук. Выглянул из палатки и обомлел: прямо у входа сойка остервенело терзала беличью тушку. На моё появление никак не прореагировала. Насытившись, высокомерно глянула на меня чёрным глазом и по-хозяйски поскакала дальше.

Судя по тому, что чай был чуть тёплый, Лукса ушёл давно. Я оделся и выбрался наружу. Денёк — чудо! Всё пропитано солнцем. В лесу кипела хлопотливая жизнь. Вовсю тарабанили труженники-дятлы, в пух и прах разбивая старуху-ель. Звонкими, чистыми голосами перекликались синицы. Весело посвистывали рябчики. Пронзительно и хрипло вскрикивали таёжные сплетницы — кедровки.

И Хор нынче необычайно красив. Сплошной лентой, чуть шурша друг о друга хрустальными выступами, плывут льдины, припорошенные белой пудрой. В промежутках между ними вода лучится приятным нежно-изумрудным светом.

После вчерашних блужданий чувствовал себя совершенно разбитым, да идти топать путики поздновато. Поэтому спустился к реке и прямо под берегом насторожил несколько ловушек. Проверил старые. В две из них попались мыши. Лукса считает, что я слишком чутко настраиваю сторожок: капкан срабатывает даже от веса таких крохотных грызунов.

Сам он завалился в палатку довольный. Ещё бы! Убил чушку метрах в трёхстах от стана! Гордо извлёк из рюкзака большой кусок окорока и печень. Задабривая покровителя охоты, отрезал ломтик и бросил в огонь:

— Спасибо, Пудзя! Добрая чушка!

Сумерки сгущались, и мы, даже не перекусив, пошли за добычей. Жирненькая! Слой сала в два пальца.

— Кабанным жиром хорошо улы смазывать. Не промокают. Одно плохо — после смазки подошва сильнее скользит.

В этот вечер у нас был первый настоящий охотничий ужин. Сварив полную кастрюлю мяса, пировали, оживлённо беседуя на самые разные темы. Намолчавшись за день, Лукса донимал меня вопросами. Во всём он пытался докопаться до самой сути и нередко ставил меня в тупик:

— Камиль, солнце у нас одно, но почему утром оно холодное, а днём горячее, и светит так сильно, что смотреть больно?

Или же спрашивал:

— Отчего каменеют рога? Они же вырастают мягкими, и траву олень ест мягкую, а к гону рога каменеют.

Я, используя книжные познания, как мог, разъяснял:

— Верно, молодые рога мягкие и пронизаны массой кровеносных сосудов, сверху покрыты кожей с густой бархатистой шерстью.

— От мошки защищает, — вставил Лукса.

— Когда панты вырастают в полную величину, в них происходит отложение солей. Проще говоря — окостенение. Начинается оно с кончиков рогов и постепенно опускается всё ниже. Не случайно в это время быки особенно часто посещают солонцы — организм требует соли. Когда этот процесс завершается, покрывающая рога шкурка отмирает и, как ты сам рассказывал, олени трутся рогами о деревья, чтобы счистить её.

— Понятно. А вот скажи — кто из зверей самый крепкий на рану?

— Лукса, это не честно. Ты мне об этом ещё не рассказывал.

— Ишь, как вывернулся! Тогда слушай. Самый крепкий лось будет. Самый слабый — изюбрь. Медведь и кабан между ними. Раненый лось силы бережёт, от охотника уходит не больно быстро. В сопку идёт не прямо, а как река петляет. Изюбрь — дурак. Горяч. Раненый, прыжками уходит и всегда вверх. На рану совсем слабый — даже с мелкашки завалить можно. У меня раз так было: собака загнала изюбра на отстой. Смотрю, ничего не вижу — ветки мешают. Стрельнул, да в спешке не переключил с «мелкашки» на «жакан». Слышу: копыта по камням защёлкали. Обида взяла — уходит рогач, ёлка-моталка. Бросился за ним, а изюбрь сам навстречу. Не успел второй раз стрельнуть, как он грохнулся на камни мёртвый. Совсем слабый на рану.

— Лукса, расскажи ещё что-нибудь.

— Это можно, — оживился промысловик и, прихлёбывая чай, допоздна рассказывал не только о случаях из охотничьей жизни, но и о повадках зверей, особенностях их промысла. Под конец я не утерпел и задал давно беспокоивший меня вопрос:

— Лукса, а ты не боишься, что тигр или волки могут напасть?

— Чего бояться? Зверь не глупый. Он человека уважает.

— Но случается же, что хищные звери нападают на человека.

— Сказки это. Если зверя не трогать, он не нападёт. Что, колонок или норка опасные звери? Но и они, если бежать некуда, могут наброситься на тебя. Однако один хуза* в тайге всё же есть — шатун. Очень ненадёжный зверь, ёлка-моталка. Он может напасть.

* * *

В лесу после ночного снегопада следов нет. Только снежные «бомбы», сорвавшись с ветвей, успели кое-где продырявить пухлое одеяло.

Разошлись рано, хотя можно было и не ходить — капканы лучше ставить на второй-третий день после снегопада. За это время зверьки наследят, и сразу видно, где их излюбленные проходы, а где случайный след.

* Хуза — бандит.

В ловушках привычная добыча — мыши. У одного шалашика с приманкой норка пробежала прямо возле входа, но в него даже не заглянула — сытая. В тайге нынче все благоденствуют. Бедствуют одни охотники.

Лукса весь день гонял косуль. Дважды удавалось приблизиться на выстрел, но оба раза пуля рикошетила о промёрзший подлесок.

— На косулю хорошо с собакой ходить, — оправдывался промысловик, — она под собакой круг делает и на то же место выбегает. Тут её и бей.

— Что ж ты Пирата с собой не берёшь?

— В этом деле он не помощник. Как встретит новый след, отвлекается и уходит по нему до следующего.

УРАГАН

Ну вот, уже и седьмое ноября! Двадцать третий день, как я на промысле. Расставлены почти все капканы, но добычи пока нет. Сегодня по всей стране торжества, демонстрации, а у нас с Луксой обычный трудовой день. Нарубив приманки, я отправился бить очередной путик по пойме Хора, но вскоре вернулся чтобы надеть окамусованные* лыжи: снега навалило так много, что пешком ходить стало невозможно.

Если бы таёжники знали имя человека, первым догадавшегося оклеить лыжи камусом, они поставили бы ему памятник. Короткие, жёсткие волосы с голени оленей надёжно держат охотника на самых крутых склонах. При хорошем камусе скорее снег сойдёт с сопки, чем лыжи поедут назад. Правда, ходить на таких лыжах без привычки неудобно, надо приноровиться. Я тоже сначала шёл тяжело, неуклюже.

Порой в книгах читаешь описание того, как охотник, лихо скатившись с сопки, помчался к зимовью. Хочется верить, что это где-то и возможно, но только не в дебрях Сихотэ-Алиня. Попробуй полихачить, когда выстроились один за другим кедр, ель, пихты, ясени, а небольшие промежутки между ними затянуты густым подлеском, переплетённым лианами.

За ключом, на вытянувшемся к востоку плоскогорье, появились миниатюрные следочки кабарги — самого крошечного и самого древнего оленя нашей страны. Изящные отпечатки маленьких копытец чётко вырисовывались на снегу. Кабарга испетляла всю пойму в поисках любимого лакомства — длинного косматого лишайника, сизыми прядями свисающего с ветвей пихт и елей.

Лукса рассказывал, что охотники даже специально валят такие деревья и устанавливают самострелы с волосяными растяжками на высоте локтя. Слух у кабарги настолько острый, что услышав шум упавшего дерева, она бежит к нему кормиться. Неравнодушны к этому лишайнику и другие звери, в том числе соболя, белки. Но последние не едят его, а используют для утепления гнёзд.

Среди оленей кабарга примечательна отсутствием рогов. Этот существенный недостаток возмещается острыми саблевидными клыками, растущими из верхней челюсти. И хотя по величине они не могут соперничать с клыками секачей, при необходимости кабарожка может постоять за себя, ведь длина её клыков достигает восьми сантиметров.

Охотиться на кабаргу без хорошей собаки — дело бесполезное. Благодаря чрезвычайно тонкому слуху она не подпустит охотника на верный выстрел. Поэтому я зашагал дальше, сооружая в приглянувшихся местах амбарчики на соболей и норок. Чтобы привлечь их внимание, вокруг щедро разбрасывал накроху: перья и внутренности рябчиков.

* Окамусованные — оклеенные камусом. Камус — шкура с голени лося или изюбря. Можно использовать и лошадиный камус. Он тяжелее, зато лучше скользит по снегу.

На становище вернулся, когда над ним уже витали соблазнительные запахи жареного мяса. Лукса колдовал над праздничным угощением — запекал на углях завёрнутые в фольгу жирные куски кабанятины, сдобренные чесноком.

После сытного ужина мы с особым удовольствием слушали по транзистору концерт. Но перед сном приподнятое настроение было испорчено — хлынул дождь.

— Когда таймень хочет проглотить ленка, он сдирает с него чешую, — в мрачной задумчивости произнёс удэгеец и, тут же спохватившись, добавил: — Ничего. Терпеть надо. Жаловаться нельзя, ёлка-моталка. Поправится ещё погода.

После дождя подморозило, и снег покрылся ледяной коркой. Невольно вспомнил рябчиков. Смогут ли бедолаги пробить наст и выбраться из плена — ведь они ночуют под снегом.

Идти на охоту было бессмысленно, и я занялся накопившимися хозяйственными делами. Колол дрова, ремонтировал одежду. К полудню небо затянуло, начался обильный снегопад. Мохнатые снежинки кружились в воздухе, как бабочки: то взлетали, то опускались, гоняясь друг за дружкой. Часом позже с горных вершин донёсся нарастающий гул. Деревья беспокойно зашевелились, зашущукались, и вскоре налетел, понёсся вглубь тайги мощный ураган. По высоким кронам елей и кедров побежали, сметая снежные шапки, зелёные волны. Воздух на глазах мутнел, становился плотным, тяжёлым. Шквал за шквалом ветер набирал силу и, наконец, достиг резиновой упругости. Тайга напряжённо стонала, металась, утратив своё обычное величие и покой. Деревья шатались, скрипя суставами, как больные. По уже замёрзшему заливу потянулись длинные космы позёмки. Недалеко от палатки с хлестким, как удар бича, треском повалилась ель. Два громадных ясеня угрожающе склонились над нашим жилищем.

Залив водой нещадно дымящую печь и захватив спальный мешок, я с опаской выбрался наружу. Ураган, видимо, достиг наивысшего напряжения. Вокруг творилось что-то невообразимое. Всё потонуло в снежных вихрях, перемешанных с обломками веток, коры и невесть откуда взявшимися листьями. Было темно, почти как ночью. Постоянно — то в одном, то в другом месте — рушились деревья. На фоне несусветного рёва казалось, что они падают бесшумно.

Забравшись в выемку под обрывистым берегом, я закупорился в мешке, как рябец в тесной снежной норе. В голову лезли беспokoйные мысли: «Как Лукса? Что с ним? Тоже, наверное, отсиживается, пережидая непогоду. А каково сейчас зверью?!»

К вечеру ветер ослаб, но, даже отбушевав, ураган иногда давал о себе знать сильными порывами ветра. Вскоре снег опять повалил густыми, крупными хлопьями. Наступила тишина, особенно гнетущая после оглушительного буйства стихии.

Лукса пришёл поздно, изнурённый и потрясённый.

— Чего Пудзя так сердился? — сокрушался он. — Беда как много тайги поломало. Обходить завалы устал. Ладно, до конца не ходил — на развилке путиков отсиделся.

Ночью ветер вновь многоголосо завыл, заметался голодным зверем по реке и сопкам в поисках поживы. Врываясь в печную трубу, наполнял палатку таким густым дымом, что становилось невозможно дышать. Чтобы не задохнуться, пришлось наглухо закупориться в мешках.

Проснулся от криков Луксы, яростно поносившего всех подряд: и дрова, и печь, и погоду. Высунув голову, я закашлялся от едкого чада. Оказывается, у него от искры, вылетевшей из печки с порывом ветра, загорелся, точнее, затлел спальник. Когда он почувствовал, что горит, возле колена уже образовалась такая дыра, что в неё без труда можно было пролезть. Так что легко понять несдержанность следопыта и простить

ему крепкие выражения. Ведь в январе в этих краях спиртовой столбик порой опускается до отметки минус сорок градусов.

Выбравшись из занесённой снегом и обломками веток палатки, мы не признали окрестностей.

Мне не раз приходилось видеть ветровалы, но в свежем виде они ошеломляют. Местами деревья повалены сплошь. Уцелела лишь гибкая поросль. Поверженные исполины лежали, крепко обнявшись зелёными лапами, стыдливо прячась за громадами вывороченной земли. У тех, чьи корни выдержали бешеный напор стихии, стволы переломлены, а места разлома поблёскивают лучистой, как липовый мёд, смолой, свисающей янтарными серёжками.

Обрывки узловатых, мускулистых корней кричали о боли, протестовали против такой нелепой смерти. Невольно проникаешься уважением к тем крепышам, которые выстояли.

День, между тем, выдался погожий. Изголодавшиеся за время ненастья звери забегали в поисках пищи.

Тщательно осматривают свои участки и соболя — они никогда не пробегут мимо дулла, не обследовав его. Побывают на всех бугорках, заглянут под все валежины и завалы. Уходя под них, соболь может невидимкой пройти под снегом десятки метров. Очень любят они и наклонённые и упавшие деревья, особенно если те лежат поперёк ключа или распадка.

Душа радуется при виде всех этих замысловатых строчек. Необыкновенно интересное всё же занятие — охота. При этом наибольшее удовольствие доставляет возможность побывать в глухих, укромных уголках, где есть возможность понаблюдать жизнь обитателей тайги...

Хорошо помню то далёкое февральское утро. Мне исполнилось четырнадцать лет. Первое, что я увидел, открыв глаза, — улыбающиеся лица моих родителей и одностволку «Иж-1», пахнущую заводской смазкой. С тех пор охота на долгое время стала моей главной страстью*. И не беда, что не всегда удачен выстрел и возвращаешься без трофеев. Разве не стоит испытать усталость ради того незабываемого наслаждения, которое получаешь при виде дикого зверя, стаи птиц, взмывающих с тихой заводи в заоблачную высь!

Сегодня пошёл в обход со сладостным предвкушением удачи: был уверен, что в одном из капканов в Маристом распадке меня обязательно будет дожидаться соболёк. Всё же, как-никак, четыре дня не проверял. Но... опять одни мыши. И что обидно — некоторые «амбарчики» соболя сверху вдоль и поперёк истоптали, в лаз заглядывали, но приманку так и не тронули. Как же, станут они грызть мёрзлое мясо, когда повсюду живая и тёплая добыча шныряет. Один из соболей прямо на макушке домика оставил выразительные знаки своего «презрения» к моим жалким подачкам.

В следующем амбарчике билась голубая сорока, обитающая в нашей стране лишь здесь, на юге Дальнего Востока. На её счастье пружина не перебила лапку. Попалась она совсем недавно — даже снежный покров вокруг хатки не потревожен. Я разжал дужки и освободил птицу. Сорока, покачав головой в тёмной шапочке, взлетела на дерево. Расправила взъерошенные перья и, громко прокричав мне что-то, улетела.

Тогда же я впервые увидел колонка, привлечённого, видимо, криком сороки. Его рыжевато-охристая шубка на белом фоне снега смотрелась весьма эффектно. Тело длинное, гибкое, с круто изогнутой спиной. Колонок несколько мельче соболя, но

* В 1982 году я дал зарок и с тех пор не сделал ни одного выстрела.

кровожаден и злобен необычайно: сила в сочетании с проворством позволяют ему побеждать зверей и птиц, которые значительно крупнее его.

Пока я снимал ружьё, рыжий разбойник юркнул в снег под кучу веток, оставшихся после паводка. Дождаться его следующего появления можно весь сезон: мышей в таких местах великое множество — до лета хватит.

От этих крохотных пакостников и в нашем жилище нет спасения. Ничего съедобного нельзя оставить — сгрызут. Продукты держим на лабазе. Но они и туда наловчились взбираться. Спаслись тем, что облили стойки несколько раз водой.

По ночам от бегающей по тугим скатам палатки мышшиной армии только «топот» стоит. Однажды одна, самая нахальная, даже забралась ко мне в спальник. Прогулялась до ступней ног и бодренько назад по шее прямо к уху — сообразила после разведки, что это самая удобная и доступная добыча. Я прямо оцепенел от ужаса. Не столько страха от тигра натерпиться, как от этих тварей. Из палатки выйдешь — верёром рассыпаются. К стану набиты настоящие тропы — со всех окрестностей к нам на кормёжку ходят. Жирные, лоснящиеся, ужасно наглые и любопытные.

Как-то вечером сидим, ужинаем. Одна высунула острую мордочку из-под чурки-стола, огляделась и деловито взобралась на неё — решила моим сухарём полакомиться. Я руку протянул, чтобы щелчком согнать, так она, окаянная, не испугалась. Носик вытянула и старательно обнюхивает палец — нельзя ли чем и тут поживиться. Ставим на них капканы, бьём поленьями, а грызунам по-прежнему нет числа. Того и гляди за нас примутся.

Но я отвлёкся от событий дня. Так вот, там, где путик пересекает межгорную седловину, появилась волнистая борозда, сглаженная посередине широким хвостом. Выдра?! Откуда она здесь? Ведь, как известно, речные разбойницы держатся рек, ключей, а тут глухая высокогорная тайга. Что побудило этого «рыболова» предпринять сухопутное путешествие через перевал? Быть может, выдра покинула свой ключ потому, что замёрзли полыньи? Или он оскудел рыбой? А может, просто проснулась тяга к странствиям?

Потрогал след. Не смёрзшийся, стенки рассыпались от лёгкого прикосновения. У выволока* нежные, воздушные снежинки. Сомнений не было — выдра прошла буквально передо мной. Лапы у неё короткие. По снегу бежит медленно. Возможность догнать сразу соблазнила меня.

Сначала шёл не спеша — устал за день, но разглядев вдали мелькающее пятно, ринулся напролом, как секач, не разбирая дороги, подминая лыжами густой подлесок, не замечая ничего, кроме волнистой борозды перед собой.

Выдра, похоже, услышала погоню — длина прыжков резко увеличилась, и она свернула влево, безошибочно определив кратчайший путь к воде. Я тоже прибавил ходу. Откуда только силы взялись! Стало жарко. Сердце, бухая, разрывало грудь. Сбросил рюкзак, потом телогрейку. Вот уже тёмная искристая спина приземистого зверя замелькала среди деревьев.

Прыгала выдра тяжело, глубоко проваливаясь в снег плотным телом. Расстояние между нами сокращалось. Притормозив, я вскинул ружьё и выстрелил в изгибающееся волной туловище. Выдра мгновенно исчезла в снегу. Подбежав, по чёрточкам дробинок увидел, что промахнулся — сноп дрови прошёл выше.

Скинув лыжи, я принялся лихорадочно разгрести снег ногами. Нижний слой был зернистым, сыпучим и скатывался обратно. Переводя дух, огляделся и понял, что выдра обхитрила меня — метрах в двадцати появилась цепочка следов, терявшаяся в глубине леса. Пока возился с лыжами и вновь пустился в погоню, обманщица успела уйти далеко.

* Выволок — передняя часть следа.

Чем ближе к ключу, тем круче становился склон. Вскоре, чтобы погасить скорость и не врезаться в дерево, мне пришлось хвататься за проносившиеся мимо стволы. Когда я почти настиг выдру и резко затормозил для выстрела, она вновь нырнула в снег. Не тратя времени, принялась ходить на лыжах кругами, останавливаясь и подолгу прощупывая глазами окрестности. Но, сколько ни глядывался, ни выдры, ни её следов нигде не было. В растерянности попробовал разгрести снег под поваленными стволами и в местах, где, по моему разумению, она могла затаиться. Выдра же словно сквозь землю провалилась.

Прочесав тайгу внутри небольшого круга, расширил границу поиска, однако выходящего следа так и не обнаружил. Дело близилось к вечеру. Пора было возвращаться, тем более что в одном свитере, без телогрейки, я уже основательно продрог. Прощупав глазами снежный покров в последний раз, повернул обратно, злясь на себя за промах и восхищаясь сообразительностью выдры. Дважды провела меня, да так ловко!

Подобрав телогрейку, с трудом втиснулся в неё — на морозе она застыла коробом. К палатке подъехал уже в темноте.

Лукса доедал свой ужин, а на печке монотонно сипел чайник. Выслушав мой рассказ, бывалый охотник успокоил:

— Шибко не расстраивайся. Выдра — самый умный зверь в тайге. Как говорит наш охотовед, промысел выдры — это высший пилотаж. Однако не последняя зима у тебя. Придёт время — добудешь. Однажды я тоже, как и ты, выдру на переходе гнал. Мне тогда собака помогла. Под завал загнала. В другой сезон три собаки выдру под корягой причуяли, но взять боятся. Одна сунулась. Выдра так лапой саданула, что кожу с носа содрала. Я стрельнул. Хитрюга с другой стороны выскочила — и к полынье. Собаки за ней. В клубок сплелись. Визжат, рычат и к воде колесом катятся. Стрельнуть боюсь — собак зацеплю. Так и ушла, ёлка-моталка.

Наставник ещё долго делился своими охотничьими историями. А я, как всегда, старательно всё записывал.

— Лукса, судя по следам ты вчера заходил на мой путик. «Амбарчики» видел? Правильно ставлю?

— Видел, видел. Молодец. Как учишь делаешь, и места подходящие.

— Почему же тогда соболь не идёт? Может, пахучие приманки попробовать?

— Ерунда это. Если соболь идёт на приманку, то идёт на любую. А если не идёт — что хочешь клади, не тронет. Надо ждать, когда соболя тропить начнут.

— Так уже больше трёх недель прошло, а я до сих пор ничего не поймал.

— Ходи больше, «амбарчики» ставь. Увидит Пудзя, что не ленишься, пошлёт удачу. Человек за всё должен платить, а за удачу особенно.

Наставник прав. Я настраиваю себя на длительный экзамен. Уверенность в успехе не покидает меня и поддерживает силы.

ЛЮБОПЫТНЫЙ «ХОЗЯИН»

Морозы с каждым днём крепче, снег глубже, а дни короче. Хор, наконец, встал. Всё русло в торосах. Колотые грани льда, пронзённые лучами солнца, сверкают и переливаются россыпью драгоценных камней. Ближе к воде лёд тускнеет, становясь почти чёрным.

При ледоставе уровень воды в реке повысился, и прибрежный лёд выперло прямо к яру. Из-за этого четыре моих капкана оказались безнадежно погребёнными. Скоро вода спадёт, и подо льдом образуются обширные пустоты. В них тепло и всегда есть

свободный доступ к воде — идеальные условия для безопасной и сытой жизни норкам и выдрам. С этой поры они становятся почти недосыгаемыми для охотников.

Лукса ушёл в стойбище за продуктами, а заодно и «погулять маленько».

К обеду, после обхода пустых ловушек, настроение самое мерзкое. Чтобы как-то взбодриться, решил проложить путь вниз до Разбитой. Это место получило такое название от того, что Хор там разбивается на несколько протоков, которые, упираясь в отвесные скалы, сливаются и возвращаются в основное русло глубоким длинным рукавом.

Лукса считает, что глубина в рукаве достигает девяти метров, и в нём с незапамятных времён живёт громадный таймень: сети пробивает, как пуля бумагу, леску рвёт, как паутину. Все попытки поймать его завершались неудачей. Я не очень доверяю такого рода рассказам, тем не менее, интересно было взглянуть на это легендарное место и попутно расставить ловушки.

Километров пять прошёл легко. Потом начался перестойный, глухой лес, да такой частый, что приходилось в буквальном смысле протискиваться между стволов. Вымотавшись вконец, повернул обратно, так и не дойдя до цели. Иду себе, иду и вдруг рядом с моей лыжнёй вижу следы тигра. Я остолбенел. Взбитая мощными лапами глубокая траншея резко сворачивала в сторону. Очевидно, властелин северных джунглей какое-то время шёл за мной и скрылся в чаще, услышав или увидев, что я возвращаюсь.

Панический страх сдавил меня стальным обручем. По телу игольчатым наждаком пробежал мороз, руки непроизвольно стиснули ружьё. Я боялся шевельнуться: любое моё неверное движение могло спровоцировать нападение. Озираясь, стал до рези в глазах всматриваться в окружающий лес. За каждым кустом и каждым выворотнем чудился готовый к прыжку тигр. Не видя его, а лишь зная о его присутствии, хотел было взобраться на дерево, но рассудок вовремя подсказал, что без движения я быстро замёрзну.

Пересиливая сковавший страх, медленно двинулся к становищу...

Через несколько дней опять пришлось идти по этой лыжне. Страх ослаб. Он рассеялся вовсе, когда прочитал следы.

Полосатый брёл за мной около километра. Аккуратно обходя каждую снежную хатку, он заглядывал в неё, не тронув, к счастью, приманки. Трудно предсказать, как повёл бы он себя, защемив капкан ему нос или лапу. Когда я повернул обратно, громадный кот свернул и ушёл в горы. Похоже, ему было просто любопытно, чем это чудосочный двуногий занимается в его владениях.

ОДИНОЧЕСТВО

Прошла неделя, а Луксы всё нет. Хорошо хоть Индус со мной. Всё же живая душа: подъезжаешь к лагерю, а навстречу, повизгивая, всем своим видом выражая бурную радость и неуёмное желание поласкаться, рвётся с привязи преданный пёс. Собака, надо сказать, оригинальная. Покорная и вялая в обычной обстановке, бестолковая на охоте, она неузнаваемо меняется, когда кто-то, по её разумению, угрожает мне или моим вещам.

Вспоминается такой случай. Вернувшись как-то с путика, я бросил рюкзак с рьячками на кучу дров и спустился к ключу за водой. Вдруг слышу злобное рычание, визг. Взбежал на берег, и что же? Индус стоит у перевёрнутого рюкзака в боевой стойке. Шерсть на загривке торчком, пасть оскалена, в груди перекатывается рык,

а ошеломлённый Пират сконфуженно бежит за палатку. Я прямо глаза вытаращил — Индус, всегда робеющий перед Пиратом, обратил того в позорное бегство.

Вечером, пока гладкое серое небо не сползло на землю бесцветными сумерками, то и дело выходил на берег. Почему-то был уверен, что Лукса придёт именно сегодня. Русло Хора довольно извилистое, но от нашего становища просматривается вниз почти на километр. Однако наставник так и не появился. Зато я подсмотрел, как на противоположном берегу развлекается норка. В три прыжка взлетает на обрыв и на животе съезжает по снежному жёлобу. Отряхнётся и опять наверх. Да так увлечённо азартно! Со стороны — словно шаловливый ребёнок.

Продукты между тем подошли к концу. (Поскольку вертолёт подвернулся неожиданно, часть провианта так и осталась в Гвасюгах). Крупы — на два дня. Сахара — на один. Вдоволь лишь воды — целый ключ студёной и прозрачной. Последнюю щепотку чая израсходовал накануне. Поэтому сбил с берёзы, мимо которой хожу каждый день, ноздреватый чёрный нарост — гриб чагу. Чай из него, хоть и не сравнить с индийским, довольно приятен, а недостаток вкусовых качеств с лихвой компенсируется его лечебными свойствами.

В щедрой тайге знающий человек может найти лекарства от любой болезни, но нет, пожалуй, таёжного растения, пользующегося более громкой славой всеисцеляющего средства, чем женьшень — посланник древней флоры. В переводе с китайского слово «жень-шень» означает «человек-корень». И действительно, он нередко напоминает фигуру человека. О том, насколько ценился этот корень в прошлом, можно судить по тому, что в восемнадцатом веке он стоил в пятнадцать раз дороже золота!

В зависимости от возраста женьшень бывает «тройкой», «четвёркой», «пятёркой». Эти цифры указывают на число боковых отростков. Очень редко встречаются «шестёрки» — старики, которым за сто лет. Если основной корень внизу раздваивается, его называют «мужиком». Он ценится дороже остальных. Живёт жень-шень долго. Некоторые достигают четырёхсотлетнего возраста и весят четыреста граммов!

Осенью стебель женьшеня увенчан плотным шаром ярко-красных ягод. Они хорошо видны издалека. Между ягодами и кроной бывают стрелки: одна-две. Корневички верят, что они указывают на соседние растения. На поиски одного корня уходят недели, но его целебные свойства и плата за труд с лихвой компенсируют таёжнику перенесённые лишения.

С того дня, как Хор встал, я чаще стал ходить по нему — самой удобной зимней дороге в буреломной тайге. Особенно приятно идти по ровным речным плёсам, сияющим мириадами крошечных звёздочек. Кажется, будто идёшь по опрокинутому на землю небу, на котором узор созвездий меняется с каждым шагом.

Вернулся с путика пораньше, так как знал, что оставшихся дров едва хватит вскипятить чай. Снял с сучка поперечную пилу «тебе-мне», для которой в данном случае больше подходило название «мне-мне», и пошёл на поиски сушины.

Пилить толстые кедры одному несподручно, и я выбрал сухую, выбеленную солнцем, унизанную смолистыми сучками, ель. Обтоптал вокруг неё снег и вонзил стальные зубья в звенящий ствол. Дружными струйками полились опилки. Когда оставалось допилить несколько сантиметров, стал раскачивать дерево, пытаясь повалить его в нужном направлении. Макушка ели заходила, как маятник. Наконец дерево оглушительно треснуло и стало медленно валиться... на меня. Я в ужасе рванул в противоположную сторону вверх по склону, утопая в снегу, ломая кусты.

Ель в этот момент с шумом легла на пружинистые лапы кедра. Те, низко прогнувшись, срикоштели сучкастый ствол мне вдогонку. Тупой удар в спину впрессовал

меня в снег. Какое-то время лежал неподвижно, ничего не чувствуя и не сознавая. К действительности вернула нарастающая боль в позвоночнике. Неужели перелом? В моём положении — это верная смерть. Так глупо! Но, пошевелив сначала руками, потом ногами, понял: не пришло ещё время «великой перекочёвки».

Ствол стеснял движения, но руки были свободны, и я принялся разгребать снег. Сначала вокруг головы, потом, с трудом протискивая руки, из-под груди и живота. Колючие кристаллы сыпались в рукава, за воротник, таяли и растекались по телу ледяными струйками. Лезли в лицо, набивались в рот, но я только радовался этому — понимал, что именно снег мой спаситель.

Руки выгребали снежную крупу уже из-под бёдер. Тело проседало с каждой минутой всё ниже. Давление ствола ослабло, и я попытался выбраться из плена. К моему неопишуемому восторгу это удалось с первой попытки. И вот я, мокрый, но счастливый, восседаю на едва не погубившей меня лесине: упали ель чуть выше, острый сучок пробил бы спину насквозь.

Отдышавшись, отпилил несколько чурок, перетаскал их к становищу. Наколов дров, забрался в палатку. Набил топку, поджёл щепу. Обсыхая у жаркой печки, не переставал радоваться невероятному везению и содрогался, представляя иной исход. А вот моему другу Юре Сотникову два года назад не повезло. Стечение целого ряда обстоятельств привело к трагедии...

ЛУКСА ВЕРНУЛСЯ

Целый месяц прошёл впустую, а сегодня, когда мог, наконец, открыть счёт трофеям — такой удар! И от кого? От мышей! Проклинаю их последними словами — съели угодившие в капкан две норки! Оставили лишь обглоданные скелеты да хвостик одной из них. По нему-то и определил, что это были именно норки.

Вконец расстроенный, пошёл дальше. Досада от потери обострялась мыслью о напрасной гибели красивых зверьков.

Погружённый в эти невесёлые думы, не сразу заметил изюбра, глодавшего ольху на краю протоки. Услышав скрип лыж, он повернул увенчанную огромными ветвистыми рогами голову и, словно давая понять, что я значу для него не больше, чем любое рядом стоящее дерево, скользнул по мне равнодушным взглядом. Постояв пару секунд в некотором раздумье, нехотя потрусил, перейдя вскоре на бег и изумительные прыжки, легко перемахивая через завалы и ямы.

В такие моменты сожалеешь, что в руках ружьё, а не фотоаппарат. Изюбрь, пожалуй, одно из самых совершенных творений природы. Даже убегает так, словно специально даёт возможность полюбоваться изяществом своих форм.

Его грация вызывала восхищение и будила в сердце желание сберечь эту красоту для потомков.

Подобные встречи всегда очищают. Они своего рода парная баня для души: смывая всё наносное и ненужное, делают нас добрее и чище.

Возвращаясь к стану, услышал со стороны устья Буге два выстрела. Лукса? Неужели Лукса?! Я помчался к «дому» так, будто у меня выросли крылья. Наставник сидел на корточках в куртке из солдатского сукна и деловито разбирал содержимое рюкзака. Я глядел на него так, будто не видел целую вечность. Подбежав, стиснул в объятиях.

— Пусти, задавишь, — проворчал он, — опять один жить будешь.

Но по лицу было видно, что тоже рад встрече.

— Чего так долго не приходил?

— Мал-мало гулял, — широко улыбнулся охотник. — Потом старые нарты ремонтировал. Однако всё равно сломались — продукты только до Джанго довёз.

Сразу были забыты съеденные мышами норки, сучкастая ель. А когда на нашем столе появились сгущёнка, свежий хлеб и плиточный индийский чай, то и все прочие неприятности, случившиеся со мной за время отсутствия Луксы, и вовсе отодвинулись куда-то далеко.

Насладившись чаем вприкуску с хрустящим ломтём хлеба, щедро залитым сгущённым молоком, я плюхнулся на спальник и блаженно вытянулся. Лукса набил трубку махоркой, закурил.

— Чего поймал? — с возможно большей небрежностью в голосе спросил, наконец, он.

Я, не стесняясь в выражениях, излил душу. Особенно досталось ненавистным грызунам. Промысловик сочувственно кивал головой:

— Сколько живу, а столько мышей не помню. Вывод простой — чаще ловушки проверяй.

Перед сном, как обычно, вышел из палатки. Остывший воздух был упруг и жгуч. Чёрная бездна манила жемчужинами звёзд. Изящный ковш Большой Медведицы, опершись дном о скалу, подливал густых чернил в и без того непроглядную тьму. Из трубы, как из пасти дракона, вырывался столб пламени, обстреливающий созвездия недолговечными светлячками искр. Я готов был созерцать эту картину бесконечно, но чувствительные пощипывания мороза побудили вернуться в наше тесное брезентовое жилище. Тепло ласково обняло, согрело; приветливо закивал язычок пламени оплывшей свечи, даже поленья, словно обрадованные тем, что все в сборе, с новой силой возобновили трескучую перебранку.

ПАМЯТИ ДРУГА

Проснулся от сильного озноба. «Снежная процедура», полученная накануне, не прошла даром. Несмотря на недомогание, я всё же отправился на обход очередного путика.

На обратном ходе чувствую, что силы с каждым шагом тают, ноги наливаются свинцом, отказываются идти. Я остановился посреди заснеженного русла реки передохнуть. И нет бы просто постоять, отдышаться, а, прельстившись солнечным теплом, уложил лыжи камусом вверх и прилёг на них. Глаза закрылись сами собой. Навалившаяся дремота быстро понесла в мир блаженства и покоя...

Не знаю, сколько прошло времени, но в какой-то момент сквозь сон, словно удар электрического тока, пронзила мысль: замерзаю! С трудом разомкнул склеенные инеем веки. Ветер, дувший в голову, уже успел наместить в ногах приличный сугроб. По реке тянулись хвосты снежной позёмки. Как ни странно, холода не ощущал. Только мелкая дрожь во всём теле. Но ни руки, ни ноги не слушались. После нескольких попыток я сумел-таки перевалиться на живот и встать на четвереньки. Раскачиваясь взад-вперёд, размял бесчувственные конечности. С трудом выпрямился и стал приседать, размахивать руками. Немного ожив, надел рюкзак и поплёлся дальше. Как добрался до палатки, не помню...

Три дня пролежал в спальном мешке в полузабытьи. Спасибо Луксе: каждый день, перед уходом, заносил в палатку несколько охапок дров и вливал в меня какие-то отвары.

За время болезни сильно ослаб, зато на всю жизнь усвоил два правила. Первое: заболел — отлежись (организм с зарождающейся хворью быстрее справится). Второе: зимой, как бы ни устал, никогда не ложись отдыхать на снег.

Пока болел, часто вспоминал своего друга — Юру Сотникова. Мои недомогания, по сравнению с теми страданиями, что выпали на его долю, сразу представлялись пустяжными.

Познакомился я с ним в 1968 году во Владивостоке в один из тех чудесных сентябрьских дней, которыми славится Южное Приморье. Он сразу привлек моё внимание своей некоторой старомодностью. Коротко стриженные волосы, защитного цвета рубашка с короткими рукавами, заправленная в чёрные брюки с тщательно отутюженными стрелками. На простом русском лице серые, глубоко посаженные, но, в то же время как бы распахнутые глаза. Где-то в их глубине всегда таилась лёгкая, непроходящая грусть. Даже когда он смеялся, а посмеяться он любил, она не исчезала. Вздёрнутый кончик носа начисто лишал его лицо мужественности. На самом же деле он был волевым человеком с сильным характером. Меня восхищала его постоянная готовность к бескорыстной помощи.

Юра, как и я, любил ходить по тайге по сложным маршрутам. Учились мы оба в Дальневосточном политехническом институте, только на разных факультетах. Я — на факультете радиоэлектроники, а он — на электротехническом, но жили в одном общежитии. Благодаря этому, быстро подружились. За три года вдвоём четырежды пересекли Сихотэ-Алинь с побережья Японского моря до реки Уссури. Совершили несколько небольших, но памятных походов по горам Южного Приморья.

Весной 1972 года судьба разлучила нас (я женился и переехал в г. Горький). Из Юриных писем знал, что он с нашим общим знакомым, русским богатырём и красавцем Сашей Тимашовым планирует совершить сплав пятой категории сложности по якутским рекам Гонам и Учур до Алдана.

А в конце ноября отец Юры, Василий Иванович, сообщил, что ребята с маршрута не вернулись. Поиски, организованные Алданским авиаотрядом и геологами, пришлось прекратить из-за низкой облачности и рано выпавшего снега.

С наступлением весны по инициативе комитета комсомола Дальневосточного политехнического института, при активной помощи Приморского отделения Русского географического общества была организована поисковая группа из шести человек под руководством одного из самых титулованных туристов Дальнего Востока Бориса Останина.

Я и дядя Юры — Илья Иванович, живший в Новосибирске, — присоединились к ним. За неделю добрались до верховьев Гонама и начали сплав. Возле устья ключа Нинган, в шестистах километрах от последнего жилого посёлка, нашли в брошенной избушке геологов записку. Вот её полный текст:

«Тем, кто, возможно, будет разыскивать нас.

Вышли на Гонам 1 августа. В ночь с 23 на 24 августа пятиметровым паводком унесло лодку и снаряжение. Сюда добрались на лёгком плоту 2 сентября в крайне истощённом состоянии, т.к. голодали. Здесь держались частично (очень мало) на грибах и ягодах. В этом состоянии разобрали склад, чтобы построить плот. Сегодня, 15 сентября, мы отправляемся вниз по Гонаму. Надеемся встретить на Учуре людей. Ноги опухли, передвигаемся с трудом.

15.09.72 г.

Сотников. Тимашов.

Р. С. Существенно обижены на геологов, улетевших отсюда в этом году с нарушением закона тайги. Немного муки и крупы очень облегчили бы наши страдания».

Позже на метеостанции Чюльбю (от ключа Нинган до неё 240 км) метеоролог Шатковский подтвердил, что в двадцатых числах августа 1972 года шли проливные дожди, и уровень воды в реке Учур у Чюльбю за сутки поднялся на восемь метров! Это соответствует подъёму воды в среднем течении Гонама на пять-шесть метров. Такой быстрый и мощный подъём характерен для районов вечной мерзлоты. Оттаявший за лето верхний слой почвы перенасыщен влагой, и во время дождей вода сразу скатывается в реки. (Мы сами после непродолжительного ненастья в верховьях Гонама были застигнуты двухметровым паводком).

Ниже Нингана река прорезает высокие гранитные хребты. Каскады надсадно ревущих порогов следуют один за другим. Я до сих пор не могу понять, как обессиленные ребята на неповоротливом плоту из брёвен сумели пройти Солокитский каскад, протяжённость которого 46 километров! В нём даже наши шестиместные надувные плоты временами исчезали между кипящих валов воды.

За плечами Юры с Сашей остались многие сотни километров дикого, безлюдного пространства, но последний, самый мощный порог им пройти не удалось — плот разбило, остатки снаряжения унесло. Что особенно обидно — дальше река успокаивается, и даже неуправляемый плот вынесло бы к людям.

В устье речки Холболоох группой челябинских туристов, шедшей за нами, на высоком берегу была найдена разрытая медведем могила глубиной 30–40 сантиметров и лежащий на земле крест с нацарапанной надписью: «Сотников Ю. В. 23.09.72 г.» Вокруг кости, обрывки одежды. Челябинцы всё это собрали и, выкопав яму поглубже, перезахоронили. На могиле поставили далеко заметный с реки массивный крест.

А на следующий год корабельцы из Николаевска-на-Амуре — родины Юры Сотникова — закрепили на кресте пластину из нержавеющей стали. На ней выгравированы строки Юриного стихотворения:

*Тайга, тайга, мне скоро уезжать.
И тут не нужно слов высоких.
Мне хочется в объятьях крепких сжать,
Как плечи друга, склоны хмурых сопок.
Узнав тайгу, нельзя забыть её.
Она своим простым законам учит.
Здесь у костра не хвастают, не лгут,
Не берегут добро на всякий случай.
Здесь все свои и, верно, в этом суть.
Строга, добра, сурова, необъятна.
И где бы не лежал мой путь, —
Я знаю, что вернусь к тебе обратно.*

**Юра Сотников.
Хабаровский край,
г. Николаевск-на-Амуре.
Трагически погиб 23.09.72 г.**

Я прикрываю глаза и пытаюсь представить последний день моего друга...

Два измученных человека скрючились у чадающего костра. Сырость, холод до предела измотали их, а ночью выпал глубокий, почти по колено, снег. У Юры уже нет сил даже сидеть. Он прилёг на снежную перину. Больное сердце бьётся с переборами. Саша же упорно поддерживает огонь — если потухнет, разжечь будет нечем. Слабое пламя хоть как-то согревает, а дым должны заметить с воздуха...

Юре чудится, что к нему по летнему лугу среди цветов идёт молодая мама. Она уже совсем близко. Юра явственно ощущает запах её волос. Тёплые ладони ласково коснулись плеч, и ему сразу стало легко и покойно. Мама загадочно улыбалась.

Только теперь он увидел, что её щёки покрыты нежным золотистым пушком. «Как же я прежде не замечал этого?» Юра протянул руку, чтобы погладить маму по щеке, но родной образ растаял...

Саше придется прилагать невероятные усилия, чтобы заставить себя подняться и вновь идти за ветками и сучьями. Всё, что могло гореть, вблизи собрано, и поддерживать огонь становится всё труднее...

Послышался гул самолёта. Он нарастал. Глаза загорелись надеждой — их ищут! АН-2 уже прямо над головами, но... проклятье небесам!!! В низких облаках ни единого просвета!..

Опять повалил снег. Юра с трудом разомкнул воспалённые веки. Ввалившиеся глаза утратили прежний блеск и не оживляли измождённого лица. В голове едва шевелились отрывочные мысли: «Нас ищут... Снежинки похожи на парашютики... Куда делась мама, она замёрзнет... Как красива сегодня тайга... Нас обязательно найдут...»

Снег, падая на его лицо, больше не таял.

Юра не представлял себе жизнь без тайги, и судьба распорядилась так, что он навеки остался лежать в земле мудрого Улукиткана — проводника Григория Федосева, книги которого Юра любил и перечитывал.

Где настигла смерть Сашу Тимашова, неизвестно. Умер ли он там же от холода, голода? Или нашёл силы идти дальше? Вряд ли тайга когда-нибудь ответит на эти вопросы.

Юры больше нет, но в моей памяти живут его слова: «Лучшие качества человеку даёт природа. Она делает его добрее, очищает от шелухи и оставляет главное — здоровый стержень».

Через несколько месяцев я получил из Николаевска-на-Амуре посылку — продолговатый фанерный ящик с завёрнутым в ватин винчестером и письмо, из которого узнал, что Юра взял с собой на Гонам лёгкую малокалиберную винтовку, а пятизарядный винчестер оставил дома. В конце письма была приписка: «Ружьё — наш дар тебе от Юры. Береги. С уважением, Сотниковы».

ДЖАНГО

На четвёртый день хворобы почувствовал себя заметно лучше. Выбравшись на свежий воздух, занялся ремонтом лыжных креплений. Занятие это не требовало особых усилий, но, оказывается, я так ослаб, что вынужден был то и дело отдыхать.

— Эх, мне бы здоровье Луксы, — вздыхал я. — Ему всё нипочём. Умывается снегом, воду пьёт прямо из полыньи, спит в дырявом, свалявшемся спальнике, но никогда не мёрзнет и не болеет. Чем не снежный человек? Правда, временами жалуется на боли в желудке, но и то как-то мимоходом.

Завершив ремонт, принялся шататься по стану взад-вперёд, как неприкаянный. Не отпускало какое-то тревожное предчувствие. Видимо, не давали покоя съеденные мышами норки. Не выдержав, решил проверить хотя бы ближние ловушки.

Первые две не заинтересовали привередливых зверьков. «Квэк-квэк-пии-и, квэк-пии-пииуу», — тревожно кричал дятел над следующей хаткой. Я невольно прибавил

шаг и, стора от нетерпения, заглянул в неё. Но, увы, норки оставили без внимания даже жирные кетовые плавники.

Над головой повторилось «квэк-квэк-пии, квэк-пии-пииуу». Подняв голову, разглядел дятла, сидящего на берёзе метрах в десяти. Его гнусавый крик никак не вязался с суровым обликом самого крупного представителя семейства дятловых — желны. Гроза вредителей леса имел и соответствующий наряд: весь чёрный, с красной шапочкой на голове. Прямо как кардинал у Дюма.

Бойко перемещаясь по стволу, он простукивал его крепким клювом подобно врачу, то с одной, то с другой стороны, то выше, то ниже. Наконец, что-то нашёл. Вероятно, зимовочную камеру личинки короеда, и приступил к «операции». Во все стороны полетели щепки, следом древесная труха. Временами желна, комично наклоняя голову то влево, то вправо, осматривал конусовидный канал. И вот спящая личинка наколота на острые щетинки шилообразного языка и отправлена в желудок. И так целый день! Как у него сотрясение мозга не случается от такой долбёжки.

* * *

На следующее утро отправилсь с Луксой на Джанго за оставленными там продуктами.

Мороз приятно пощипывал уши. Снег под лучами восходящего солнца сиял девственной чистотой и свежестью. Собаки, весело рыская по сторонам, то забегали вперёд, то отставали. Вдоль берега, выстроившись в несколько рядов, застыли высоchenные, в два обхвата тополя.

— Лука, из такого ствола, наверное, выйдет не один грузовой бат^{*}.

— Да, тополя хорошие. На Тивяку один учёный-охотовед даже зимовал в дупле большого тополя. Три сезона зимовал. Дверь повесил, окошко вырубил, потолок сделал. Печку поставил. Нары. Потом кто-то сжёг, ёлка-моталка. Чего жгут? Кому мешает?

Перед Разбитой Пират неожиданно остановился. По его напряжённой стойке мы догадались — причуял зверя. Действительно, на острове, окаймлённом ржавым тальником, сквозь морозную дымку угадывался силуэт оленя. Заметив нас, изюбрь бросился наутёк. Пират напористо, с азартным лаем, ринулся следом. Индус же, как ни в чём не бывало, продолжал крутиться вокруг нас.

«Убегает — значит, для хозяина не опасен», — так, должно быть, истолковал он ситуацию.

Изюбрь, казалось, не бежал, а летел, откинув голову назад, лишь изредка касаясь копытами снега. Вскоре он скрылся за излучиной реки. Характер лая Пирата изменился.

— Остановил, — прокомментировал Лука.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Когда гонит — лает с визгом, остановит — как на человека лает и подвывает.

Торопливо обогнув излучину, сразу увидели оленя. Он стоял у длинной промоины, под обрывистым берегом. Пират, отвлекая внимание на себя, волчком вертелся на безопасном расстоянии. В такой ситуации не составляло труда приблизиться к изюбру на верный выстрел, но стрелять мы не могли — зверь запретный, а лицензии на него у нас нет. Отозвав озадаченного пса, двинулись дальше.

Широкий коридор реки открывал поворот за поворотом. Кое-где на стремнинах чернели полыньи. От них, словно от чаш с кипятком, поднимался пар.

^{*} Бат — грузовая долблёная лодка, как правило, из ствола тополя.

За Разбитой на скалистом утёсе высилась, как на постаменте, двадцатиметровая каменная глыба. Её грубые, но точные контуры напоминали массивную голову ухмыляющегося великана. Особую прелесть этому творению природы придавали лишайники, покрывавшие её пёстрым ковром. Ярко-красные, почти кровавого цвета участки чередовались с нежно-зелёными, сиреневыми. Глядя на эту красоту, понимаешь, насколько природа щедра и разнообразна: её никак не упрекнёшь в недостатке фантазии. С помощью растений, ветровой эрозии, воды и солнца она творит неповторимые шедевры.

На подходе к Джанго я услышал глухой рокот. Сначала мне показалось, что летит вертолёт, но вскоре увидел, что это рокошет укрытый белой шапкой тумана мощный порог. В этом месте каменный мыс, вклиниваясь в русло, прижимает Хор к отвесной стене. Само русло завалено обломками базальтовых плит, и вода с рёвом пробивается между ними.

Мороз уже усмирил буйство боковых сливов ледяной бронёй, но на самом стрезне оставался незамёрзший участок. Зеленоватые буруны бесновались в ледяном кольце, пытаясь разрушить крепкие оковы. Но мириады брызг, намерзая капля за каплей на краях, постепенно сжимали это кольцо. Пройдёт ещё несколько дней, и порог заплывёт льдом и затихнет до весны.

Чуть ниже по течению темнел бугор, слегка припорошенный снегом. Подойдя ближе, поняли — лосиха. Надо льдом возвышались передние ноги, голова и половина туловища. Вокруг следы волков. В боку животного зияла дыра, через которую серые уже вытащили почти всё мясо.

— Волки часто так делают: гонят лося на слабый лёд, а как провалится, окружают и ждут, когда вмёрзнет, — пояснил Лукса. — Не доели. Значит, придут ещё.

Ну вот, наконец, и Джанго. Можно отдышаться. После болезни я был ещё слаб, и отдых затянулся. Поев мяса и выпив душистого чая с поджаренным на костре хлебом, я долго лежал у огня в дремотной тишине. Лукса терпеливо ждал. День угасал. Пора было возвращаться.

Взвалив на плечи набитые продуктами рюкзаки, тронулись в путь. Сумерки быстро сгустились. Когда подошли к порогу, было совсем темно. Ревун, при свете дня сказочно красивый, в кромешной тьме показался угрюмым и зловещим.

Дальше шли на ощупь, определяя край колеи плоскостью лыж. Когда выходили на припорошенные снегом наледи, чтобы не сбиться со своего следа, поджигали смоляк. Обратная дорога меня окончательно измотала — к становищу подходил чуть живой. В прореху туч запоздало выглянул ярко-жёлтый диск луны, напоминающий лицо радостно улыбающегося колобка, сумевшего вырваться на волю. Тайга осветилась мягким серебристым светом. Но сердитая хозяйка-ночь прогнала непослушного малыша за высокий конус сопки, а над нами раскинула чёрное, с крапинками звёзд, покрывало.

— Луна о сопку ударилась и на звёзды рассыпалась, — пошутил Лукса.

Плотно поужинав, сразу забрались в мешки, и я впервые, несмотря на крепкий мороз, проспал до утра, ни разу не проснувшись.

БОЛЬШИЕ РАДОСТИ

Ещё одна неделя впустую. В последнее время чувствую себя волком, безрезультатно рыщущим в поисках добычи. Несмотря на неудачи, вновь и вновь невесть откуда

черпаю силы и всё с большим ожесточением и упорством ищу тропки и расставляю капканы. Надежду на успех не теряю и духом не падаю. Иного пути у меня и нет: в Уфе из «Башнефти» уволился, а чтобы добраться сюда, закупить снаряжение, необходимое для промысла пушнины, пришлось занять крупную (равную полугодовой зарплате инженера) сумму. Дома же осталась Танюша с нашим первенцем — двухлетним Маратом.

Когда становится совсем невмоготу, напоминаю сам себе весьма поучительную историю:

«Попали как-то в горшок со сметаной две квакуши. Бока у горшка крутые да высокие — никак не выбраться. Одна лягушка смирилась — всё равно помирать, — перестала барахтаться и утонула. Вторая барахталась, барахталась в надежде выбраться и лапками из сметаны ком масла сбила. Опёрлась на него и выпрыгнула из горшка».

Сегодня, когда настаивал капкан, боковым зрением уловил какое-то движение на краю промоины. Оглянулся — норка! Пробежав немного, она змеей соскользнула в воду и поплыла. Только голова замелькала.

Обедать вернулся в «дом». Тут же прилетел и сел на лабаз в ожидании хлебных крошек лускин рябчик. Я обухом топора раздробил на чурке половинку сухаря и высыпал крошки на брезент. Рябчик долго разглядывал угощение и слетел к нему лишь тогда, когда я забрался в палатку.

Выпив чаю, отправился в сторону Разбитой. На ключе обратил внимание на рябь, пробежавшую по глади небольшой промоины. Она меня озадачила: ветра-то нет, откуда рябь? В этот момент из воды показалась голова норки. «Надо же, то за неделю ни одной, то весь день перед глазами мельтешат», — подивился я.

Держа в зубах рыбку, норка ловко забралась на противоположный берег. Я затыл в позе метателя диска. Зверёк оценивающе оглядел новую «корягу» и, сочтя, что угрозы нет, встал, как бобрёнок, на задние лапки. Завершив трапезу, принялся чистить, вылизывать коричневую шубку.

Я осторожно прицеливаюсь, но стрелять не решаюсь — ветки мешают. Жду, вдруг опять на лёд спустится. Прошло несколько томительных минут. Мышцы дрожат от напряжения, сердце колотится так, словно хочет выпрыгнуть из грудной клетки. Наконец норка закончила прихорашиваться и... побегала в лес.

Разочарованный и в тоже время довольный тем, что имел возможность понаблюдать за симпатичным зверьком, пошёл дальше. И тут навстречу выкатился Лукса. По весёлым лучикам, разбегавшимся от глаз, было видно, что он с богатым трофеем. Точно — поймал соболя! Наконец-то лёд тронулся!!!

— Камиль, не пойму, ты норку ловишь или медведя?

— А что? — оторопел я.

— Смотрел твои капканы на ключе. Зачем такой большой потаск делаешь?

— Как же? Кругом полыньи. С маленьким норка до воды доберётся, и ищи её тогда.

— Неправильно думаешь. Норка с капканом в воду не идёт — на берег идёт. А если потаск тяжёлый, лапу грызёт и уходит. Однако пора мне, путик длинный, а день короткий, — попрощался Лукса и размашисто заскользил дальше.

Подходя к последнему капкану, я боковым зрением уловил какое-то движение под берегом. Затеplилась надежда: вдруг тоже удача? Но, увы, попалась сойка. У самого обрыва остановился, соображая, где лучше спуститься к ней. Как вдруг перед птицей, словно по волшебству, возник громадный филин. Окончания его маховых перьев необыкновенно мягкие и нежные. Поэтому он летает совершенно бесшумно, словно призрак. Его размеры поразили меня: высота не менее шестидесяти сантиметров, а голова, как у трёхлетнего ребёнка.

Увидев над собой пернатого гиганта, сойка в ужасе заверещала, вскинула было крылья, но разбойник занёс лапу и вонзил в жертву когти. Резкий крик взметнулся в небо и тут же оборвался. Я свистнул. Филин поднял голову и устался на меня не маяя. Исчез он так же бесшумно и незаметно, как появился. Вот бестия!

Спустившись вниз, вынул ещё тёплую сойку из ловушки и переложил в пещерку вместо приманки.

Солнце, весь день игравшее со мной в прятки, перед заходом, наконец, избавилось от назойливых туч. Ветер стих. Высокие перистые облака, бронзовые снизу, предвещали смену погоды.

Гип-гип, ура!!! Я добыл первую в своей жизни пушнину!

Утром, как обычно, пошёл по путику проверять ловушки. Валил густой снег. Ветер гонял по реке спирали снежных смерчей, мастерски заделывая неровности в торосах. В общем, погодка «весёлая». Даже осторожные косули не ожидали появления охотника в такое ненастье — подпустили почти вплотную. Испуганно вскочив с лёжек, умчались прочь гигантскими прыжками, взмывая так высоко, что казалось: ещё немного — и полетят.

Подходя к капкану, установленному у завала, где часто бегал колонок, увидел, что снежный домик пробит насквозь, приманка валяется в стороне, а в пещерке горит рыжий факел с хищной мордочкой в чёрной «маске». Колонок!

Я ликовал. Сгоряча протянул руку, чтобы ухватить его за шею, но зверёк, пронзительно заверещав, сделал молниеносный выпад и вцепился в рукавицу. Быстро перебирая острыми зубами, он захватывал её всё дальше и дальше. В нос ударил острый неприятный запах, выделяемый колонками в минуту опасности. Маленькие глазки сверкали такой лютой ненавистью, что я невольно отдернул руку, оставив рукавицу у колонка в зубах. Умертвив зверька, положил добычу в рюкзак.

Читателя, наверняка, покоропят эти строки, и он вправе думать: «Убийца!» Однако не стоит рубить сплеча. Мне тоже было жаль колонка, но для штатного охотника добыча пушнины — это работа. Без смерти здесь не обойтись. Всем нравится красиво одеваться, но звери не по своей воле превращаются в меховые шапки и воротники. Единственный способ остановить добычу пушнины — перейти на искусственные меха. К сожалению, пока не все готовы к этому.

Когда я, мерно поскрипывая лыжами, подъехал к палатке, из неё выглянул Лукса. По моему сияющему лицу он сразу догадался, что Пудзя сегодня вознаградил меня за упорство, и радовался моей удаче больше, чем своей. У него же самого сегодня редкостные трофеи: на перекладине висели две непальские куницы — харзы. Их головы были обёрнуты тряпочкой — «чтобы другие звери не узнали, что пропавшие куницы в наших руках». Делает это Лукса каждый раз, на всякий случай, ибо так поступали его отец, дед, прадед.

Харза внешне похожа на обычную куницу, только вдвое крупнее. Она одинаково хорошо чувствует себя как на земле, так и на деревьях. Хвост у неё длинный, поэтому харза, снующая по ветвям, напоминает мартышку.

Окраска у харзы своеобразная и довольно привлекательная, по богатству цветов может соперничать с обитателями тропиков. Бока и живот ярко-жёлтые, горло и грудь оранжевые, голова чёрная, затылок золотистый.

— Как это ты умудрился за один день пару взять? Мне даже их следы ни разу не встречались!

Лукса прищурился, пряча снисходительную улыбку:

— Эх ты, охотник! Харза одна не промышляет. Ей всегда напарник нужен. Бывает, собираются три, четыре. Кабаргу они шибко любят, а вместе легче добыть. Одна

вперёд гонит, другие сбоку к реке прижимают. На лёд выгонят и грызут. Весной по насту харзы даже изюбра загрызть могут.

После ужина я сел обдирать свою первую добычу. Ох, и муторное, оказывается, это дело. Пока очищал добела мездру, кожа на кончиках пальцев вздулась и горела огнём. Снятую шкурку надел на специальную деревянную правилку и повесил сушиться.

С утра занялись сооружением шалаша над палаткой. Дело в том, что во время снегопада с потолка каждый раз начинается весенняя капель. Усилили каркас, на рубили лапника и обложили им палатку. От этого в нашем жилище стало теплее, но сумрачнее.

Время близилось к обеду. Идти в тайгу уже не имело смысла, и мы занялись дровами. Выбрали сухой, без коры кедр. Он был так высок, что при падении перекинулся через Буге удобным мостиком.

Огромные, как колёса древних повозок, чурки взвалив на спину, несли к палатке, раскачиваясь из стороны в сторону, подобно маятникам. Пот заливал глаза, одежда липла к спине, ноги от напряжения гудели. Каждому пришлось прогуляться так раз по десять. Зато и дров заготовили надолго.

Последний день осени ознаменовал перелом в охоте. После снегопадов Пудзя сжалился — дал долгожданную «команду», и соболя начали тропить. Как любит приговаривать мой учитель — Пудзя всё видит, Пудзя не обидит трудолюбивого охотника.

Утром Лукса повёл меня к Разбитой — там появилось много тропок, — чтобы на месте показать, как ставить капканы на подрезку. Шли долго. Я всё время отставал.

— Хорошо иди. Такой большой, а ходишь медленно, — ворчал Лукса. Он был не в духе и в такие дни становился ехидным, а если я возражал, то распаялся ещё пуще.

— Ну-ка, охотничек, скажи, что это? — не замедлил он с вопросом, указав посохом на наклонный снежный тоннель.

— А то не знаешь!

— Не крути хвостом, как россомаха. Отвечай, если чему научился.

— Осмелюсь сообщить, что здесь белка выкапывала кедровую шишку.

— А по-моему, это работа кедровки, — пытался сбить меня с толку Лукса.

— Никак нет, дорогой учитель. Кедровка разбрасывает снег на обе стороны, мотая головой, а белка снег отбрасывает лапками назад. Так что это раскопка белки. Она чует запах кедрового ореха даже сквозь метровый слой снега.

— Молодец, ёлка-моталка, — повеселел охотник, одобрительно похлопав меня по рукаву, так как до моего плеча дотянуться ему было сложновато.

Лукса, как и всякий настоящий учитель, всегда радовался и гордился моими успехами.

Под Разбитой появились сначала одиночные следы соболя, а потом и тропки. Бывалый следопыт с одного взгляда оценивал: «Это двойка, это тройка». А я никак в толк не возьму, как он определяет, сколько раз тут пробежал соболь. Вроде, ничем тропки и не отличаются друг от друга. Да и тропки ли это? Заметив мою растерянность, Лукса начал объяснять:

— Смотри сюда. Одиночный след — широкий, глубокий, нечёткий, а на тропке мелкий, ясный. Чем чётче след, тем больше раз пробежал здесь соболь.

И сразу стал показывать, как устанавливать капкан на подрезку.

Понаблюдав с полчаса, я полез на сопку закреплять урок на практике. Пробираясь сквозь белоразукрашенные пойменные крепи, перевитые тонкими, но прочными

лианами аргу́ты*, коломикты**, вконец умаялся. Взгляд, жадно шаривший в поисках парных следочков, наткнулся только на многочисленные наброды изюбрей и кабанов. Зато на скосе длинного отрога меня ожидали прекрасные собо́льи тропки.

Солнце в своём вечном движении неумолимо клонилось к гребням тёмно-синих гор. В низине уже было сумрачно, и я успел поставить всего два капкана. Первый — на горбатом увале, в том месте, где собо́ль поймал и съел сразу двух мышей, а второй — в начале крутой ложбины. Выезжая из неё, врезался в самую гущу аралий и сильно поцарапал лицо об их острые шипы.

Я всегда старался держаться подальше от этих безжалостных, густорастущих деревьев. Высотой они метра три-четыре. Ствол голый, без ветвей, и сплошь утыкан длинными, прочными, как сталь, шипами, напоминающими собо́льи клыки. Если пройти сквозь заросли аралии сотню шагов, то от одежды останутся одни лохмотья.

Завтра выйду на охоту пораньше. Тропки, тропки искать надо. Охота! Настоящая охота начинается!

Ловля на приманку — всё же скучное занятие. Изо дня в день ходишь по проторённым, надоевшим до оскомины путикам. Всё привычно. Ничто не задерживает взгляд. То ли дело подрезка! Чтобы найти хорошую тропку, нужно ходить по новым местам, а это всегда свежие впечатления и неожиданные встречи.

Вчера было ясно и морозно. Углы палатки впервые обметало инеем. Сегодня же потеплело. По радио обещают снег, что совсем некстати: капканы на подрезку засыплет, а их у меня уже девять штук стоит. Вся работа пойдёт насмарку. Правда, хорские «синоптики» — вороны — каркают на мороз. Надеюсь, что чуткие птицы точнее радио.

Первое время я относился к вороньим прогнозам без особого доверия. Но точность предсказаний этих смыслёных пернатых быстро развеяла мой скептицизм. Например, если вороны каркают дружно — быть холоду, устроили в небе хоровод — поднимется ветер.

Весь день раставлял новые ловушки и, хотя сильно устал, всё же полез в сопки. Ничего с собой не могу поделаться. Так и тянет заглянуть за горизонт. Вскоре стали попадаться уже не тропки, а настоящие торные тропы, и принадлежали они не соболю, а владыке лесных дебрей — тигру. Его огромные следы перемежались с кабаньими. На вершине сопки все тигровые тропы сходились и тянулись вдоль гребня. (Судя по округлой форме отпечатка, тут ходил самец. У самок след более продолговатый.)

Пройдя метров двести, на каменистом утёсе под многовершинным кедром обнаружил его лёжку. Похоже, что правитель таёжного царства частенько отдыхает здесь, оглядывая свои владения, изрезанные сетью глубоких распадков. Обзор отсюда и в самом деле великолепный.

И в награду за смелость (признаюсь, было страшновато), я впервые имел возможность рассмотреть мощный горный узел на востоке, откуда берёт начало самая труднодоступная в этих местах река Чукуен.

Заснеженные скалистые вершины, испещрённые безлесными шрамами осыпей, возвышались плотной группой. От них веером расходились более низкие отроги. Если в наше время ещё остались места, про которые можно сказать «тут не ступала нога

* Актинидия аргу́та — мощная лиана, длиной 10–20 м. Масса плодов, внешне напоминающих крыжовник, весом от 5 до 15 г.

** Актинидия коломикта — во многом сходна с аргутой, но отличается неодновременным созреванием на протяжении августа мелких плодов, массой 3 г. Есть отличия и в листьях. У коломикты они шершавые, а у аргу́ты — гладкие.

человека», то оно в здешних краях более всего применимо к Чукену. Его покой охраняет частокол крутобоких гор, размыкающих свою цепь лишь в устье реки. Течение Чукуна настолько стремительно, что даже удэгейцы, привыкшие ходить на шестах, и те не могут подняться вверх более чем на десять километров. Для моторок он и вовсе непроходим из-за многометровых заломов, порогов и затяжных перекатов. Берегом идти и вовсе невозможно: отлогие участки чередуются с отвесными неприступными прижимами.

Даже мороз не может усмирить Чукуен — ледяной покров усеян частыми и обширными промоинами. Удэгейцы объясняют это тем, что река берёт начало от тёплого источника, бьющего из-под горы с кратким названием Ко. И тот лёд, что местами всё же покрывает реку, очень коварен. Сегодня он прочен, как гранит, а назавтра расплывается, словно гнилое сукно.

Эх, на вертолёте бы туда! Построить на горном ключе, кишасщем рыбой и зверьём, зимовье и наслаждаться красотой нетронутого таёжного уголка.

Так я стоял, любовался и мечтал минут десять. Из-за островерхих гор крадучись выползли молочные клубы туч и стали обволакивать одну вершину за другой. И тут на противоположной стороне распадка отрывисто пролаял изюбр. Струхнув от мысли, что тигр где-то неподалёку, я съехал на пойменную террасу.

Перед моим взором предстала живописная картина: сплошь утрамбованный снежный круг, раскиданные вокруг гайна ветки и кусты, срезанные на высоте колена.

Чуть выше под кедром остатки чушки: челюсти и копыта. Всё остальное было перемолото крепкими, как жернова, зубами тигра и нашло приют в его желудке. После обильной трапезы царственный хищник, похоже, нежился, барахтаясь в снегу, чистил когти — кора дерева в свежих царапинах.

По всей видимости, тигр напал на спящий табун. Позже Лукса подтвердил, что по ночам, когда усиливающийся мороз не располагает ко сну, тигры охотятся, а днём, выбрав удобное место, чутко дремлют на солнцепёке.

Тигр, или, как его здесь называют, «куты-мафа», по традиционным представлениям удэгейцев — их великий сородич, священный дух удэ. Относятся они к нему почтительно и убеждены, что человека, убившего тигра, обязательно постигнет несчастье, а того, кто хоть чем-то помог ему, ждёт удача.

День пролетел так незаметно, что когда между туч показался оранжевый шар солнца, уже задевший нижним краем сопку, я глазам не поверил и поспешно заскользил по накатанной лыжне к стану.

* * *

Тяжело, медленно встаёт рассвет над промёрзшими мышцами хребтов. Когда на востоке чуть затлела, разгораясь, полоска неба, я уже шагал в сторону Маристой пади, где расставлены капканы на приманку.

Как и прежде, во всех пусто, хотя к большинству хаток соболь подходил. «Любопытный, — раздражённо думал я. — Интересуется, видите ли... А нет, чтоб в хатку зайти». Поскольку все следы были трёх, четырёхдневной давности, я сделал вывод, что это наследил не местный, а проходной соболь. Поэтому, сняв капканы, новые настраивать не стал.

На выходе из пади кто-то метнулся через лыжню в чащу. Кабарга! Такая крошка, а прыгает словно кенгуру.

Лукса принёс двух соболюшек. Одна тёмно-коричневая, другая почти бежевая. Оба зверька добыты на одном участке, а по цвету так резко отличаются. Что инте-

ресно, за тёмного он получит вдвое больше, чем за светлого, хотя тех и других ловить одинаково тяжело. Выходит, что охотник за один и тот же труд получает разную плату. Чем больше поймашь тёмных соболей, тем больше заработаешь. Такая ценовая политика способствует осветлению расы. Особенно в тех местах, где соболей промышляют с лайкой: промысловик костыми ляжет, а возьмёт «казака» — чёрного соболя, ибо получит за него в три раза больше, чем за светлого.

* * *

Вот это день! Вот это удача! Пудзя с несказанной щедростью одарил меня за упорство и долготерпение. Как говорится, не было ни гроша, да вдруг алтын. Степень моей радости легко представить, если вспомнить, что за прошедшие сорок пять дней колонок — мой единственный трофей. Зато сегодня... Но всё по порядку.

Утро выдалось на редкость солнечным и тихим. Быстро собравшись, я зашагал проверять свои первые капканы на подрезку. Сгорая от нетерпения, поднялся на увал и приблизился к первому из них. И что же вижу? Посреди вытоптанного круга чернеет потаск, а капкана нет. Сердце ёкнуло: опять невезуха! Расстроенный, стал разбираться. Вижу, одиночный след пересёк лыжню и потерялся среди опрятных ёлочек. Пригляделся. Да вот же он! Свернулся клубочком, положил головку на вытянутые задние лапы, да так и застыл. На фоне белого снега шелковистая шубка казалась почти чёрной и переливалась морозной искоркой седых волос. Округлая большелобая голова с аккуратными, широко посаженными ушами треугольной формы, покрыта более короткой светлой шерсткой. Добродушная мордочка напоминает миниатюрного медвежонка. Хвост чёрный, средней длины. Лапы густо опушены упругими жёсткими волосами, которые значительно увеличивают площадь опоры и облегчают бег по рыхлому снегу. След поразил меня несоразмерностью с величиной зверька. Он, пожалуй, крупнее следа лисицы.

Некоторое время я благоговейно созерцал предмет своих мечтаний и привыкал к мысли, что поймал соболя. Потом, так и не сумев до конца поверить в свою удачу, вынул зверька из капкана, погладил нежный мех и, счастливый, помчался дальше.

Три следующие ловушки были пусты. Пятая опять заставила поволноваться. Снег вытоптан, тут же валяется перегрызенный пополам потаск. Ни ловушки, ни соболя. С трудом нашёл его в соседнем распадке. Зверёк так глубоко втиснулся между обнажённых корней кедра, что я еле вытащил его оттуда. И вовремя — мышинный помёт посыпался прямо из шубки. К счастью, мех попортить грызуны не успели. В седьмом капкане опять соболя. Эту ловушку я привязал прямо к кусту, без потаска. Бегая вокруг него, зверёк перекрутил цепочку восьмёрками и оказался притянутым к стволику, как Карабас-Барабас бородой к сосне.

Оставались ещё две непроверенные ловушки, но невероятная удача опьянила меня, и я отдался неужённым мечтам, не замечая уже ни свежих следов, ни новых тропок. Ликование переполняло сердце. Тёплые волны счастья несли, качали, дурманы всё больше и больше. Я окончательно утратил чувство реальности и, наверняка, был бы разгневан, окажись восьмой капкан пустым. Однако перед моим взором вновь предстала отрадная для промысловика картина: на том месте, где стоял капкан, вытоптана круглая арена, и на её краю, уткнувшись мордочкой в снег, словно споткнувшись, лежал соболя-самец красивого кофейного цвета.

На обратном ходе проверил шесть капканов на приманку. Пусто. Пустяки! Рюкзак и без того полон! Если охотовед все четыре шкурки примет первым сортом, то денег хватит, чтобы рассчитаться со всеми долгами. Фантастика!

Всё, возвращаясь с Фартового (так я назвал этот путик) и готовлю к приходу Луксы достойный такого удачного дня ужин.

Сварил мяса. Поджарил на сливочном масле четырёх рябчиков с луком.

Наставник, увидев богато накрытый стол, сразу всё понял.

— С чем поздравить?

Я молча показал четыре пальца.

Лукса от удивления аж присвистнул.

— Вот это да себе! Доставай, Камиль, фляжку! Теперь ты настоящий промысловик!

Когда подняли кружки, наставник с чувством произнёс:

— Пусть удача приходит чаще, ноги носят до старости, глаз не знает промаха!

Попробовав поджаренных мною рябчиков, похвалил: «В жизни не ел ничего вкуснее».

* * *

Какая-то странная погода стоит последние дни. Ночь звёздная, мороз 30–35°, а утром небо начинает заволакивать дымкой и время от времени сыплет пороша. К обеду становится так пасмурно, что кажется, вот-вот повалит настоящий снег, но к вечеру всё постепенно рассеивается, и ночью опять высыпают звёзды. Раньше при таком морозе я вряд ли снял бы рукавицы. А тут пообвык — капканы-то голыми руками приходится настораживать. Натрёшь руки хвоей пихты, чтобы отбить посторонние запахи, и работаешь. К вечеру пальцы от холода опухают и краснеют. В палатку возвращаешься насквозь промёрзший. Пока печь непослушными руками растопишь — не одну спичку сломаешь. При этом невольно вспоминаешь рассказ Джека Лондона «Костёр».

Но по мере того, как разгораются дрова, палатка оживает, наполняется теплом, и ты, только что всё и вся проклинавший, добрееешь, становишься благодушной. Сидишь усталый, расслабленный и неторопливо выдёргиваешь из спутавшейся бороды и усов ледяные сосульки, намёрзшие за день. А уж когда выпьешь кружку горячего душистого чая, то уже готов любому доказывать, что лучше этой палатки и этого горного ключа нет места на земле.

Потом принимаешься за повседневные дела. Колешь дрова, приносишь с ключа воду, достаёшь с лабаза продукты, моешь посуду, варишь по очереди с Луксой ужин, завтрак и обед одновременно. Обдираешь тушки. Чуть ли не ежедневно при свете свечи латаешь изодранную одежду, ремонтируешь снаряжение, заряжаешь патроны, делаешь записи в дневнике. После ужина поговоришь немного с Луксой и ныряешь в спальник до утра.

Спать при таких морозах в ватном мешке, конечно, не то, что в тёплом доме на мягкой перине. Но тут главное — правильно настроить себя, принять неизбежность определённых неудобств. Тогда недостаток комфорта и тепла переносится значительно легче. Я, ещё два месяца назад не представлявший, как люди могут зимой жить в матерчатой палатке, теперь считаю это вполне нормальным, а те трудности таёжного быта, которые рисует воображение в городе, на самом деле преодолимы.

Имея жестяную печь, палатку, спальник, свечи и необходимые продукты, в тайге можно счастливо и безбедно жить не один месяц. А нужно так мало потому, что есть главное: древнее мужское занятие — промысловая охота — и природа, с которой тут невольно сливаешься и становишься её частицей.

Только живя в тайге, я понял, каким обилием излишеств окружила вас цивилизация. На самом деле, по-настоящему необходимых для жизни человека предметов не так уж много. Но, к сожалению, человек слаб. То, что ещё вчера было пределом

мечтаний, сегодня норма, а на завтра и этого становится недостаточно. Часто в погоне за материальным благосостоянием всё остальное отходит на задний план.

ШАТУН

Ни свет ни заря начал обход Фартового, подарившего мне сразу четырёх соболей.

Поднимаясь по ключу, заметил под козырьком снежного надува хорошо натоптанную тропку норки. Недолго думая, поставил ловушку. На том участке, где я снял трёх соболей, свежих следов нет — отработанная зона. Зато на приманку попалась белка. То, что белка иногда идёт на мясо, я знал, но меня поразило, что эта милая симпатяга соблазнилась тушкой своей же соплеменницы.

Пообедать устроился на валежине на краю небольшой мари. По небу плыли редкие облака, ярко светило солнце. Недалеко от меня на суку старой берёзы неподвижно сидела сова. Расстегнув футляр фотоаппарата, стал тихонечко подкрадываться. Сова подпустила метров на двадцать и перелетела через марь на макушку ясеня. Когда я вновь приблизился к ней, она спланировала на тот же сук, с которого я спугнул её до этого. Думаю, что общепринятое мнение о дневной слепоте «мудрой» птицы ошибочно. Возможно, днём она видит просто хуже, чем ночью.

Продлив Фартовый на четыре километра и насторожив там шесть капканов, спустился к ключу. Проходя на обратном ходе мимо снежного надува, увидел норку, уже беснующуюся в ловушке. При моём появлении она устрашающе ощерилась, зашипела, впилась злым взглядом прямо в глаза. Её мускулистое тело находилось в беспрестанном движении, отчего густая тёмно-коричневая шубка отливала серебром.

Когда я попытался прижать её к снегу, норка с такой яростью набросилась на меня, что почудилось — нет в тайге зверя страшнее. Признаюсь, я даже растерялся перед её безумной храбростью и неистовой решимостью драться с несоизмеримо более сильным противником.

По дороге к палатке стрелял по вылетающим из-под снега стайкам рябцов. Две замешкавшиеся птицы морозятся теперь на лабазе. Могло быть и больше, если б не очки: как вскинешь ружьё, так стёкла тут же от влажного дыхания покрываются налётом изморози. Порой хочется разбить их о первый попавшийся ствол.

За ужином рассказал Луксе о беличьём каннибализме.

— Так бывает, когда зверь ум теряет, — подтвердил он. — Соболю соболя в капкане никогда не трогает. Но, помню, как-то один к изюбру прикормился. Я сразу капкан поставил. Пришёл проверять — в дужках одна лапа. Вроде, ушёл соболю, а по следам вижу, нет, не ушёл — другой съел. Снова капкан поставил. Другой опять съел. Я рассердился — не шутка, ёлка-моталка, два соболя потерял. Наставил много капканов. На другой день прихожу — никого нет. На второй — два рядом лежат. У одного лопатка выедена. И этого дурной начал есть, да не успел, сам попался. Рядом гора мяса, а он своих ест, ёлка-моталка. Совсем дурной!

Громкое карканье известило о наступлении утра. Чёрные дармоеды слетелись на лабаз поживиться за наш счёт. Пират и Индус, обычно разгонявшие их залившимся лаем, прятались от трескучего мороза в пихтовых гнёздах, занесённых снегом. Но как только из трубы потянулась голубая струйка дыма, вороны разлетелись.

Мороз нынче потрудился на славу, обметав ветви толстой искристой бахромой, сверкающей в лучах восходящего солнца. Над нашей полыньёй зябко ворочался густой и непроницаемый, как вата, туман.

Я весь день бил новый кольцевой путик по крутым бокам сопков, обрамляющим Буге. Так и назвал этот путик «Крутой».

Его дальний конец достигал зубчатого гребня водораздела Буге — Джанго. Оттуда хорошо было видно, как во всю ширь горизонता беспокойными волнами дёбьются горы, подпирающие белыми вершинами густо-синий небосвод. Воздух настолько чист и прозрачен, что, кажется, протяни руку — и достанешь до одной из них.

Мимо проплывали облака, лёгкие и зыбкие, как парусники. Следом по земле неотступно, как шакалы за добычей, крались их серые тени. Вдали синели мощные отроги главного хребта. Они властно притягивали взгляд, завораживали. Впоследствии, уже в городе, всякий раз, когда этот первобытный контур всплывал из глубин памяти, пробуждалась лавина воспоминаний и щемящее желание вновь оказаться в этих местах.

Ничто не пленяет меня так, как горы — самое потрясающее произведение Природы. Стоит мне попасть в мир этих бесстрастных великанов, как меня охватывает необыкновенное волнение. Мысли очищаются, взлетают над обыденностью, и кажется, что вся твоя предыдущая жизнь осталась где-то далеко, нет никаких проблем и ты переходишь в иное измерение. Что ещё немного — и постигнешь смысл быстротечной жизни, всеобщий закон мироздания. Верно подметил Владимир Высоцкий: «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал...»

Однако, пронизывающий ветер поторапливал к спуску. Новый путик порадовал обилием тропок. Настоящее соболиное царство. Пожалуй, стоит снять большую часть капканов на приманку и переставить их сюда на подрезку.

Вернувшись к становищу, хотел посоветоваться с Луксой на этот счёт, но он ошарашил меня сообщением, что в четырёх километрах от палатки появился шатун — зверь-смертник. Косолапый настолько худ, что, пройдя по лыжне метров сто, провалил снег всего два раза. На следах — пятна крови.

Решили с утра идти за ним по следу с собаками, иначе спокойной охоты не будет. Он может разорить лабаз, залезть в палатку. Шатун ничего не боится. Встреча с ним грозит трагедией, поскольку терять ему нечего. Так и так финал у него один — смерть.

К охоте готовились обстоятельно. Перед сном Лукса вышел из палатки. Неожиданно раздался его громкий крик: «Хо-хо!» Я насторожённо прислушался: что происходит?

— Хо-о... — глухо отозвались сопки.

— Лукса, что случилось? Зачем кричал? — обеспокоенно спросил я, когда он вернулся.

— Ничего не случилось, — невозмутимо ответил охотник. — Прогноз радио проверял. Слышал, эхо голос потеряло? Снег будет. Обязательно медведя возьмём, — заключил он уверенно.

Легли поздно. Я никак не мог заснуть. Беспокойно ворочался. Сон был тревожный. Преследовал кошмар про исполинских мышей, загонявших разъярённого тигра к нам в палатку. Несколько раз вставал. Топил печь. Под утро, наконец, забылся.

Было ещё темно, когда Лукса тронул меня за плечо. Жидкий рассвет едва наметился. За ночь действительно выпал хоть и небольшой, но пушистый снег.

Я натягивал меховые носки, когда совсем рядом, за тонким брезентом палатки, раздался душераздирающий собачий визг. Тут же послышался злобный лай. Необутое, едва успев схватить ружья, мы выскочили наружу. Лукса первый, я за ним. Дальше всё произошло гораздо быстрее, чем об этом можно рассказать.

Не успел я оглядеться, как громыхнул выстрел. Бросившись за палатку, увидел метра в двадцати бурого медведя, отбивающегося от наседавшего с отчаянной смелостью Пирата. Собака ловко уворачивалась от когтистых лап. Рядом с медведем лежал окровавленный Индус.

Второй выстрел Луксы грянул одновременно с моим. По глухим шлёпкам поняли, что пули достигли цели. Шатун взревел и, сделав несколько шагов, повалился на бок.

Пират подскочил к нему и злобно рванул шкуру на загривке, но, увидев, что зверь не реагирует, успокоился. Вялые уши косолопаго говорили о том, что он мёртв, но Лукса на всякий случай выстрелил ещё раз.

— Не сердись, Пудзя, совсем состарился медведь. Пошёл отдыхать в верхнее царство, — произнёс традиционное удэгеец.

Тут меня запоздало затрясла мелкая дрожь. В горячке мы выбежали в одних носках и раздетые. Мороз быстро напомнил об этом и погнал в палатку.

Одевшись, вышли осматривать добычу. Это был здоровенный, но чрезвычайно костлявый самец, истощённый до такой степени, что кожа свисала складками. Тёмно-бурая шерсть местами слиплась от смолы. Голые, неприспособленные к морозу ступни, потрескались и кровоточили.

По следам восстановили картину происшедшего. Шатун по лыжне вышел к палатке. Не слежавшийся, пухлый снег скрадывал звуки его шагов. Осторожно прокрававшись к ничего не подозревавшим собакам, медведь ударом лапы разрушил пихтовую конуру и, разможив череп Индуса, бросился с ним в лес. Но уйти ему помешал ринувшийся вдогонку Пират.

— Молодчина! Не спасовал, — ласково потрепал Лукса собаку.

Он острым ножом «расстегнул» шубу медведя от подбородка до паха, и мы принялись свежевать тушу. Но вскоре бросили эту работу, так как мясо было сплошь поражено длинными узкими глистами. Так вот почему медведь не сумел нагулять жира.

— Чего такой куче мяса пропадать, давай используем на приманку, — предложил я.

— Соболь плохо на медвежье мясо идёт. Засыпай снегом, — не согласился бывалый промысловик.

Он вырезал у медведя только жёлчный пузырь. Удэгейцы используют его при кашле, расстройстве желудка. Пьют жёлчь свежей. Или, высушив в сухом тепле, растирают в порошок и употребляют по щепотке. Я же взял себе на память коготь длинной почти восемь сантиметров.

Успешное и быстрое избавление от шатуна несколько омрачилось гибелью Индуса. После всех тревожений на охоту решили не ходить. Похоронив собаку, перекололи остатки кедровых и ясеневых чурок. Получилась огромная гора дров. Иные поленья были испещрены узкими каналами, впадающими в просторные «комнаты», в которых чёрными комками лежали оцепеневшие муравьи. Трудно поверить, что весной в них проснётся жизнь, и шустрые работяги снова заснут по лесу.

Я положил одно полено возле печки, и весь вечер наблюдал, что произойдёт с муравьями. Увы, резкое тепло не вывело их из оцепенения.

После ужина обдирали соболей. Дело это для меня пока трудоёмкое и утомительное. Ещё отремонтировал несколько капканов. На одном не было язычка. Пришлось отковать его из раскалённого гвоздя на обухе топора.

Пока занимались всем этим, свечка успела прогореть. Я заметил, что в морозную погоду она горит медленнее и одной хватает на три дня. И это понятно — парафин на морозе плавится только в лунке у фитилька, и «сосулек» из расплавившегося, не успевшего сгореть парафина, не образуется. Поэтому свечку лучше устанавливать подальше от печки, на небольшой высоте, но и не слишком низко, чтобы не ухудшать освещённость.

За ужином Лукса принялся хвалиться, что в молодости он с Митченой за осень по семь-восемь медведей с собаками брал. Некоторые достигали веса десяти косуль. Нетрудно подсчитать, что это порядка трёхсот килограммов. Особенно много косялапых тогда водилось в верховьях Хора и Чуёв. (Могу подтвердить, мы с Юрой

во время перехода Самарга-Чуи прямо на водораздельном хребте видели медвежьи тропы с глубокими, выбитыми до самых каменных плит вмятинами).

— Может, расскажешь про какой-нибудь интересный случай.

— Рассказать, бата, есть что...

Тут удэгеец замолчал и, искоса поглядывая в мою сторону, принялся подкладывать в печь кедровые поленья. Он явно ждал, когда я полез в карман куртки за карандашом и блокнотом. Я заметил, что ему нравится, что я записываю его истории. Увидев блокнот на моём колене, удовлетворённо хмыкнул и, глядя в огненный зев печурки, начал вспоминать:

— Гнал как-то соболя. Долго он меня мотал. Наконец выдохся — под корни старого тополя залез. Я сгоряча палкой туда. Пока тыкал во все стороны, соболю вылез и по косогору ушёл. Ругнул себя и за ним. Тут сзади кто-то как рявкнет и по ногам — трах! Я упал лицом в снег. Слышу, вокруг топчется, пыхтит, обнюхивает. Лежу, не шевельюсь — сообразил, что медведь. Толстозадый походил-походил и назад, под тополь. Берлога у него там была, ёлка-моталка, а я его разбудил.

При этом Лукса так потешно изобразил, как он дырявил Топтыгина, что я, сотрясаясь в беззвучном смехе, едва вымолвил:

— Ох, и сочиняешь!

— Зачем сочиняю? Правду говорю. Всё так было, — обиделся охотник и, насупившись, принялся точить и без того острый нож.

— Не обижайся, Лукса. — примирительно сказал я. — Но уж больно история неправдоподобная.

— Ого! Не то ещё бывает. Сам иногда удивляюсь: думаешь одно, выходит другое. Зверь-то разный. Не всегда угадаешь, что у него в голове. Ты Джанси знаешь?

— Это тот, у которого указательный палец на правой руке не сгибается? Торчит, как дуло пистолета.

— Он, он! Его Пистолетом и зовут. С ним ещё хлеще случай был. Нашли они с Удзали берлогу бурого за Коломинкой. Джанси длинным шестом медведя будит. Тот выскочил — и на него. Удзали стрельнул, но промахнулся и удрал со страху. Я всегда говорил: Удзали — трусливый человек! Джанси карабин схватил и успел нажать крючок. Раненый медведь на него повалился. Джанси память потерял. Ончнулся — медведь рядом лежит, стонет. Карабин в сугробе. Джанси потянулся за ним. Зверь заметил и лапой по башке огрел. Тот снова память потерял. Пришёл в себя и опять за карабином, а медведь не даёт — по башке всё бьёт. Но уже не так сильно — слабеет. Дотянулся Джанси до карабина и добил медведя. Вот так бывает, а ты говоришь, привираю. Однако шибко повезло Пистолету. С бурым шутики плохи. Лучше с гималайским дело иметь. Он спокойнее, и мясо вкуснее. Шатуном никогда не бывает. Всегда жир нагуляет. А бурый шибко злющий, когда разбудишь. Даже тигр ему не командир.

К сожалению, детям через сказки и книги даётся неправильное представление о многих животных: медведь — увалень неуклюжий, заяц — трус, а волк — кровожадный разбойник. На самом деле это не совсем так. Медведь ловок и силен необыкновенно, чему мы сегодня были свидетелями, а волк человека больше любого другого зверя боится. Даже лыжню другой раз обходит. Репутацию лютого и кровожадного зверя, крайне опасного для человека, прочно завоевал, даже в части специальной литературы, тигр. Но, если обратиться к фактам, то оказывается, за последние десятилетия не было ни одного случая неспровоцированного нападения амурского тигра на человека. Что же касается кровожадности, то Лукса утверждает, что куты-мафа, когда сыт, не трогает зверей, даже если они проходят на расстоянии прыжка.

Позади половина сезона. Я подошёл к этому рубежу с весьма скромными результатами, но успехи последних дней обнадеживают. Вчера на Фартовом снял ещё одного соболяка. Настоящий «казак»: чёрный, седина серебром отликает. Он так глубоко забился в узкую щель под валежиной, что пришлось тесаком расширять её. А сегодня утром перед выходом на путик загадал: «Если сниму ещё одного, то и сезон завершу удачно». Я же снял трёх! Правда, третьего мыши успели подпортить — на спине мех выстригли.

Мог бы записать на свой счёт и четвёртого, да подвёл вертлюг. Цепочка соскочила, и соболик ушёл вместе с капканом. Битый час пытался найти его, но безуспешно. Жаль зверька. Ведь капкан ему, всё равно, что пудовые кандалы для человека.

Видел следы кабана. Вдоль них пропитанные кровью комочки снега. Сейчас у них гон. В это время секачи очень агрессивны и безжалостны друг к другу. Видимо, этот как раз и пострадал в одном из турнирных боёв.

* * *

Резко похолодало. Выйдя утром из палатки, я чуть не задохнулся от мороза. Придавив толстым поленом вход, пошёл осматривать путик. Мимо, с быстротой молнии, пронёсся какой-то зверь. От неожиданности я вздрогнул, а разглядев, улыбнулся: из-за кедра, жизнерадостно виляя хвостом, победоносно взирал Пират. Отвязался таки шельмец! Что же делать? Собака на капканном промысле только вредит — следы и тропки затаптывает.

Попытался подозвать — не идёт. Знает, что опять привяжу. Пришлось возвращаться обратно и топить печь. Минут через пятнадцать Пират, наконец, поверил, что я никуда не собираюсь, и подошёл к палатке. Я подманил его мясом и, крепко привязав, побежал навёрстывать упущенное время. Жалобный вой собаки ещё долго оглашал тайгу, действуя на нервы и распугивая зверей в округе.

В этот день ходил по Крутому, но Пудзя не пожелал делиться своими пушными богатствами. Зато подарил свежие тропки, а это надежда на успех в будущем. Выставил восемь капканов. Пока настораживаешь и маскируешь ловушку, коченеешь — мороз студит кровь, подбирается к сердцу. Невольно думаешь: «Пропади всё пропадом. Не вернуться ли лучше в палатку, к тёплой печурке?» Но встанешь на лыжи, разомнёшься, разогреешься и, при виде заманчивой сбегки, опять принимаешься за работу.

Взобрался на гребень кряжа, покрытый кедром. Иные старцы такие громадные, что втроем ствол не объять. Неожиданно справа кто-то закопошился. Я затаился: прямо из снега вылетали прелые листья, золотистые чешуйки, а вот и сама копуша-белка с кедровой шишкой в лапках показалась. Съела два орешка, подбежала к дереву, но, видимо, учуяла меня и замерла возле комля, распушив хвост. Я прицелился чуть выше головы. Выстрел оказался удачным. Положил добычу в рюкзак и пошёл дальше. Тотчас на другом кедре зацокала подруга. Вскоре и она легла рядом с первой.

Мне, можно сказать, подфартило — в этих местах белка малочисленна. Даже с хорошей собакой больше пяти-шести за день не добудешь.

Ближе к вечеру из небольшой ложбины донёсся истошный крик, похожий на верещание колонка. Во весь дух помчался туда, но ничего не обнаружил. Только филин бесшумно скользнул над головой. Будь потемней, я его и не заметил бы. Привидение, а не птица!

До стана оставалось более километра, а в морозном воздухе уже чувствовался запах дыма. Я не в первый раз замечаю, что стал чужь его на значительных расстояниях. Вначале был склонён думать, что это самообман, подобный слуховым или

зрительным галлюцинациям, но каждый раз, приходя в палатку, обнаруживал, что Лукса действительно топит печь. Видимо, при длительном пребывании в тайге, на чистом воздухе обоняние обостряется.

После ужина, как всегда, сели обдирать добычу. Я — соболей, Лукса — пойманных сегодня норок. Одна из них уже побывала в капкане, но, пожертвовав лапкой, ушла. Насколько сильной должна быть тяга к свободе, чтобы пойти на такую жертву. С того дня прошло не более двух недель, култышка едва заросла, но зверёк уже успел потерять осторожность и повторно угодил в ловушку.

ОДО АКИ

Декабрь трудится изо всех сил. Третью неделю стоит небывалая стужа. Воздух лежит неподвижным тяжёлым пластом. Слабые лучи зимнего солнца не в силах согреть остекленевшую тайгу. Но, несмотря ни на что, к полудню всё-таки просыпаются, оживают её обитатели. Они хорошо приспособлены к жизни в студёную пору.

Особенно холодно сегодня. В лесу гремит настоящая канонада: это лопаются от мороза стволы деревьев.

Весь день ходил по целине. Бил ещё один путик к истокам Буге — надеялся найти более богатые угодья. Соболей там действительно есть, но всё же в среднем течении его куда больше.

Чем выше по Буге, тем чаще наледи. Наледь — явление характерное для горных ключей. Зимой, во время сильных морозов, большинство из них промерзает до дна, и грунтовая вода дымящимися родничками просачивается на поверхность льда. Растекаясь вокруг, она намерзает слой за слоем. Так со временем образуются обширные ледяные поля, заливающие порой всю долину на высоту до полутора метров. По краям образуются красивые ступенчатые ледопады. Иные наледи, не успевая растаять весной, белеют среди зелени чуть ли не до июля.

В верховьях уклон долины заметно круче. Сопки едва расступаются, пропуская ключ, сбегавший по каменным ступенькам обледенелых водопадов.

Обходя сошедшие со склонов снежные лавины, я вынужден был петлять в теснине от одной скальной «щеки» к другой.

Вокруг ни одного кедра. Только сумрачные ели и пихты. Тайга здесь сохранила девственный облик, но животный мир беден. Снежный покров не оживляли ни наброды изюбрей, ни кабанов, ни косуль. Одна лишь кабарга чувствует себя полновластной хозяйкой. Даже ветер тут редкий гость. Поэтому и снег как лёд с осени на деревья, так и лежит — толстый, слоистый, словно кабанье сало. Этот путик я нарёк «Глухим».

Если верить термометру, сегодня утром было минус сорок три градуса. Недаром про здешние места говорят: «широта крымская, долгота колымская». В морозные дни больше всего ногам достаётся. Пока ставишь капкан, они застывают до бесчувственности, и потом идёшь, будто на деревяшках, пока кровь вновь не достигнет пальцев и не оживит их.

Иду себе, иду и вдруг сверху вниз скользнула чья-то тень. В общем-то, явление привычное: комки снега часто срываются с ветвей даже в безветренную погоду, но меня привлекла странная траектория — тень двигалась наискосок. Обернувшись, увидел планирующую летягу.

Зимой этого необычного зверька я видел впервые, но его помёт у комлей деревьев попадался часто. Это и понятно: летяга ведёт ночной образ жизни. Вспомнились летние походы с Юрой, когда, сидя у костра, наблюдали, как летяга, прижавшись к стволу

дерева, замирает и подолгу неотрывно смотрит на пламя. Внешностью и повадками она похожа на белку, но отличается тем, что по бокам тела между передними и задними лапками имеются складки кожи, покрытые шерсткой. На округлой головке этого тёмно-серого с серебристой остью зверька выделяются крупные выпуклые глаза.

Летяга не прыгает по деревьям, как её родственница, а, забравшись по стволу на вершину, бросается вниз. При этом кожаные складки расправляются наподобие крыльев. В полёте летяга может совершать крутые виражи, а снижаясь по прямой, пролетать до ста метров.

Из литературы мне было известно, что и соболь ведёт ночной образ жизни. Но как тогда объяснить сегодняшнее? Утром в нижнем течении ключа свежих следов не было, а к вечеру, когда я возвращался, появились зигзагообразные строчки мышковавшего соболя. В том, что он ходил после меня, не было сомнений — отпечатки были даже на лыжне. Видимо, звери более пластичны. Их активность зависит от погоды, наличия пищи и, возможно, ещё каких-то причин. Лукса, например, считает, что светлые соболя охотятся днём, а тёмные — ночью. В этом суждении тоже есть резон. Солнечные лучи действительно разрушают тёмный пигмент.

К утру выпала «печатная» пороша. Одна из тех, когда оттиски следов, оставляемые на мелкой пылице, так чётки, что, кажется, приглядишься, и увидишь тень прошедшего животного.

Моя меховая копилка пополнилась половинкой самца шоколадного цвета — вторая, как нетрудно догадаться, досталась мышам. Одна беда от этих пакостниц. Но что делать, приходится мириться, без них тайга сильно оскудеет, ведь они — основная пища большинства её обитателей.

Впереди меня ожидал приятный и волнующий сюрприз. Было сравнительно тепло, и снег почти не скрипел. Моё внимание привлекло чёрное возвышение, резко выделявшееся на белом фоне. Кабан?.. Вертлявый хвостик развеял сомнения. Точно — кабан! Поодаль, посреди низкой террасы, виднелось ещё несколько тёмных спин. Табун паса на хвоще.

Горка зашевелилась, показала длиннорылая морда с высоко торчащими ушами. Втянув воздух, кабан замер, вскоре голова опять исчезла. До моего слуха донеслось невнятное чавканье.

Тихонько снял ружьё, тщательно прицелился и, когда кабан вновь поднял голову, выстрелил. Табун переполошился и в неопикуемой панике, оглашая тайгу пронзительным визгом, рассыпался в разные стороны. А раненый зверь, волчком завертевшись на месте, поднял такой столб снежной пыли, что на некоторое время скрылся из виду.

Осторожно подойдя ближе, я выпустил ещё две пули. Жизнь не хотела покидать сильное тело. Клацая клыками, секач попытался приподняться, но упал и затих, когда я выстрелил в упор.

Поняв, что кабан убит, я издал дикий вопль и запрыгал от радости. Немного успокоившись, стал осматривать добычу. Это был довольно крупный, матёрый секач. Грозно поблёскивали две пары желтоватых клыков. Нижние трёхгранники, изогнутые как турецкие сабли, торчали из челюсти на все двадцать сантиметров. Более короткие, верхние, загибались настолько круто, что, соприкасаясь с нижними, заточились до остроты ножа. Большое клинообразное тело покрывала жёсткая чёрно-бурая щетина с густой подпушью особенно длинная на загривке.

Пока кабан не остыл, начал свежевать. Поскольку к началу гона у самцов под кожей на загривке образуется хрящ или, как говорят охотники, «броня», дело это оказалось непростым. Отмучившись, с трудом засунул в рюкзак голову секача и увесистый шмат ляжки. Всё остальное засыпал снегом. Охотничья удача сняла усталость. Шлось легко.

Лукса, узнав, что я принёс свеженины, закричал от удовольствия. По-быстрому нажарили мясо и, поставив вариться бульон, сели пировать. Сквозь поджаристую корочку, подогревая и без того волчий аппетит, соблазнительно сочились янтарные капли жира. Сковородка быстро пуста. Последний кусок Лукса бросил собаке:

— Держи, Пиратка. Может, твоего обидчика едим. — И, обращаясь ко мне, пояснил: — Прошлый год один секач ему брюхо распорол. Думал, пропал пёс, ёлка-моталка. Хотел пристрелить. Ружьё поднял, а он смотрит так преданно... Верит, что не обижу. В котомке в зимовье принёс. Снял с лабаза полосу сухожилий. Наделал ниток. Пасть стянул верёвкой, чтоб не кусался, и заштопал брюхо. Ничего, заросло!

— Лукса, я вот всё думаю, сухожилия ведь толстые, как из них тонкие нитки получаются?

— Что непонятного? Высохшие жилы видел? Если их память, они на тонкие стрелки делятся. Бери их и скручивай нитку. Самые крепкие нитки с ног получаются. С хребта тоже неплохие, но слабже.

Было уже около десяти вечера, когда мы услышали приближающийся ритмичный скрип шагов. Возле палатки они замерли.

— Кто там? — спросил я.

— Своя, своя люди, — негромко и спокойно ответил голос. Было слышно, как подошедший отряхивается от снега.

— Нибида эмэкте? — повторил на удэгейском вопрос Лукса.

Вместо ответа полог палатки распахнулся и в чёрном проёме показался охотник. Я сразу узнал его, хотя шапка-накидка, редкие усы и борода были покрыты густым инеем, белизна которого резко контрастировала со смуглой кожей и карими глазами. Это был одо Аки — дедушка Аки. Его губы, склеенные морозом, разошлись в приветливой улыбке.

— Багдыфи! Би*** мал-мало гулай. Отдыхай ноги надо, — на смешанном языке тихо проговорил он.

— Багдыфи, багдыфи! — ответил Лукса.

Я, освобождая место гостю, пересел к выходу и подбросил дров в печку. Аки пробрался на освободившееся место и, украдкой поглядывая на меня, стал выдёргивать из бородёнки ледышки.

— Ноги туда-сюда мало ходи, — посетовал он.

Я про себя подумал: «Вот это «мало ходи» — в семьдесят восемь лет прошёл двадцать пять километров от своей зимушки до нас по труднопроходимым торосам Хора!»

Переведя дух, Аки разделся. Улы и верхнюю одежду закинул на перекладину сушиться. Лукса налил ему наваристого бульона, достал из кастрюли мяса и подал кружку с разведённым спиртом. Узенькие глазки деда сразу оживились:

— Айя! Асаса****! Однако не зря ходи к вам.

Приняв «разговорные капли», он совсем повеселел. Простодушный, доверчивый, никогда не унывающий старик с ясной и чистой, как ключевая вода, душой был одним из тех аборигенов Уссурийского края, которых описывали ещё первооткрыватели этих мест. В его суждениях, как в зеркале, отражалась история и мировоззрение маленького лесного народа. (Лукса был на двадцать два года моложе, и его поколение уже во многом утратило самобытность удэгейского племени.)

* Нибида эмэкте? (удэг.) — Кто пришёл?

** Багдыфи (удэг.) — Здравствуй.

*** Би (удэг.) — Я.

**** Айя! Асаса! (удэг.) — Хорошо! Спасибо!

Познакомился я с одо Аки в Гвасюгах ещё до начала охотничьего сезона, когда пополнял свою этнографическую коллекцию. К тому времени у меня уже были интересные приобретения: копыя разных размеров, деревянный лук, стрелы с коваными наконечниками, женские стеклянные и медные украшения; охотничья шапка-накидка и ножны, расшитые разноцветными узорами. Прежде удэгейцы на своей одежде всегда вышивали орнаменты с тонким изящным рисунком. Глядя на них, не перестаёшь восхищаться мастерством и высоким художественным вкусом вышивальщиц. Колоритнейшие вещи! К сожалению, в Гвасюгах оставалось всего несколько старушек, владеющих этим искусством, но и те из-за слабого зрения вышиванием почти не занимаются. Находок было немало, но я лелеял надежду обогатить коллекцию настоящим шаманским бубном. Такой бубён в стойбище был только у Аки.

Идти к местному старейшине одному было неловко, и я уговорил Луксу пойти вместе со мной. Постучались. Дверь открыла дочь. Одо Аки сидел на низкой скамейке и укладывал сухую мягкую траву хайкту в улы. Маленький, с невесомым телом старичок смотрел прямо и открыто. На мою просьбу ответил категорическим отказом и даже убрал с полки сэвохи — деревянные изображения удэгейских духов. И только после долгих переговоров с Луксой согласился лишь показать бубён.

Достав берестяной чехол из-за шкафа, Аки осторожно вынул из него родовую реликвию. Любовно погладил тугую с заплатами шкуру и несколько раз с расстановкой ударил по ней подушечками пальцев, жадно вслушиваясь в вибрирующие звуки. Мы притихли.

Держа бубён на весу, с помощью двух скрещивающихся ремешков, сплетённых из сухожилий, старик погрел его над плитой. Взял в руку гёу — кривую колотушку, обтянутую шкурой с хвоста выдры, и, прикрыв глаза, начал священнодействовать — камлать*. От низких, мощных звуков мной овладело смятение и странная готовность повиноваться. Идти туда, куда позовёт этот потусторонний гул. Казалось, будто слышу зов предков, давным-давно ушедших в иные миры.

Поблагодарив старика, мы попрощались. На улице Лукса рассказал, что в Гвасюгах не раз бывали всевозможные экспедиции, но этот бубён Аки никому так и не отдал и продолжает потихоньку камланти.

Забегая вперёд, скажу, что весной в дом Луксы, у которого я жил после выхода из тайги, пришла дочь одо Аки и сказала, что отец зовёт меня. Когда я вошёл, он сидел с бубном в руках:

— Камиль, я старый, сына нет. Бубну нужен молодой хозяин, которого любит Пудзя. Я знаю и Лукса говорил — Пудзя тебя любит. Возьми.

Так последний бубён последнего удэгейского потомственного шамана оказался у меня. Через две недели одо Аки перекочевал к "верхний люди": вышел колоть дрова, взмахнул топором и упал — сердце остановилось. Может быть, и бубён отдал, предчувствуя скорую «перекочёвку».

Теперь он висит у меня в комнате под черепом медведя. Иногда я снимаю реликвию и, слушая глухие призывные звуки, вспоминаю Буге, Луксу, одо Аки.

Но всё это произойдёт весной, а сейчас мы сидим в тесной палатке вокруг печки.

Я заварил свежий чай и разлил в кружки. Подал сахар. Аки от него наотрез отказался:

— Чай вкус теряй, — заявил он.

Пили долго, не торопясь. Я расспрашивал гостя о его жизни. Великолепная память старика хранила много любопытного.

Он в мельчайших подробностях описывал события полувековой давности, помнил названия речушек и перевалов, по которым ходил ещё в начале века.

* Камланти — исполнять ритуал, сопровождающийся пением и ударами в бубён, во время которого шаман, приходящий в состояние экстаза, общается с духами.

Когда разговор коснулся тигров, пожаловался:

— Куты-мафа моя собака война объявил. Прошлый охота два ел. Теперь последний чуть не давил. Моя увидел — ушёл. Страх любит собака. Собака ест — пьяный ходи.

— Аки, тигр собак давит, домашний скот давит, а людей не трогаёт. Почему?

— Моя так думай: люди закон прими, не убивай куты-мафа. Куты-мафа умный — тоже свой закон прими: люди не убивай.

От такой наивности я улыбнулся. Аки пристально посмотрел на меня.

— Пошто смеёшься? Твоя не знай, как куты-мафа давно люди убивай. Много убивай. Теперь не трогай. Почему? Ты своя башка думай!.. Куты-мафа шибко умный, всё понимамай...

Действительно, почему тигр изменил свои повадки? Ведь в прошлом веке амурский тигр (между прочим, самый крупный среди своих собратьев) нередко был «волен» по отношению к человеку и, хотя избегал его, не считал неприкосновенным. Иные хищники буквально терроризировали обширные районы, поражая дерзостью и хитростью. Спасаясь от них, переселенцы с Украины и центральных районов России бросали свои хозяйства, уезжали подальше от владений людоеда. Отчаянная смелость некоторых зверей доходила до того, что они врываются ночью в избы и нападали на спящих.

В результате активной охоты на тигров их осталось на всей огромной территории Дальнего Востока не более трёх десятков. Тогда, в конце сороковых годов двадцатого века, и был принят закон о полном запрете охоты на владык Уссурийской тайги. С тех пор могучий хищник как будто переродился. Исчезли людоеды, реже стал страдать и домашний скот.

В чём причина изменения отношения тигра к человеку? Можно предположить, что те немногие, оставшиеся в живых, потому и уцелели, что именно они из сотен своих сородичей чётко усвоили: человек опасен и, если хочешь жить, избегай встреч с ним. Эта черта поведения постепенно закреплялась и на генетическом уровне передавалась потомству, став теперь отличительной особенностью всего амурского подвиды. Похоже, рассуждения старого удэгейца не так уж и наивны.

После чая старик вкрадчиво спросил:

— Ай бё*?

Это выражение мне было знакомо и перевода не требовало.

— Анчи, анчи. Элэ! ** — твёрдо ответил я, зная, что если не остановить, то старики будут бражничать до утра, а днём стонать от головной боли.

Покурив, охотники опять принялись за мясо. Аки ел, облизываясь, сочно причмокивая, облизывая пальцы. Ест, а сам бурчит:

— Не мог чушка убивай. Секач деревом пахни.

Мне не хотелось спорить. Я радовался замечательному трофею, тем более что клыки у него были, как настоящие бивни!

Но охотников терзали совсем иные чувства. Лукса, уже изучивший мой характер, начал издалека.

— Слышал, на севере якуты огненный гриб жуют. Они его с собой носят в кожаном мешочке.

— Какой такой гриб? — изумился Аки.

— Мухомор сушёный. Не всякий. Серый, кажется, годится. Захотел веселиться — пожевал. Говорят, лучше водки — голова утром не болит.

— О, шибко хорош гриб!

* Ай бё? (удэг.) — водка есть?

** Анчи, анчи. Элэ! (удэг.) — Нет, нет. Хватит!

— Вот ты, Аки, — продолжал Лукса, — кабана ругаешь, а зря. Хороший кабан. Таких больших клыков я ещё не видел. Ты, Аки, наверно, тоже не видел?

— Чего так говори? — запальчиво возразил старик.

Но Лукса перебил его:

— Очень большой кабан. Давай, Камиль, выпьем за самого большого хорского кабана, — и с чувством поднял пустую кружку. Аки, так и не поняв хитрость сотоварища, насупился:

— Чего большой? Много больше гляди.

— Ох, и хитрый шеф у меня, — засмеялся я.

— Хитрецы в стойбище спят, а дураки в лесу сидят, — довольно хмыкнул Лукса.

Аки, оценив, наконец, ситуацию, преобразился: нетерпеливо заёрзал и стал искать глазами свою кружку:

— Твоя молодец, Камиль! Асаса! — примиряюще сказал он, выпив свою долю. — Беда, как хорошо. Дай, однако, табачку, моя кончался.

Воспользовавшись переменой настроения старого промысловика, я, протягивая старику коробку «Золотого руна», спросил:

— Одо, вот вы все ищите жень-шень. А чем он так ценен?

Подобревший старик не замедлил с ответом:

— О-о-о!! Женьшень — корень учёный. Долго живи — много знай. Своя сила хороший люди дари. Плохой люди не дари.

Раскуривая трубку, Аки ненадолго примолк.

— Одна ночь, — продолжал он, — цветок гори яркий огонь. Эта ночь корень копай — любой болезнь лечи. Кто умер — живой делай. Однако эта ночь корень трудно копай. Дракон корень береги. Только смелый дракон победи.

— А вы верите в загробный мир?

— Чего такой? — заморгал старик.

Лукса, жестикулируя больше обычного, стал объяснять ему по-удэгейски. Вскоре тот понимающе закивал:

— Я так знай: умри — на небо ходи. Там все живи. Река, тайга, звери, верхний люди. Только обратно живи. Старика молодой делай. Моя тоже скоро туда ходи. Котомка готовил.

— А как вы попадёте туда?

— Вход найду — лыжня знай.

— Какую лыжню? — не понял я.

— На небе лыжню замечал? Это лыжня к верхним людям. Там, где она в горы упирается, есть вход, — объяснил Лукса.

— Я читал, что у вас умерших на деревья кладут.

— Зачем деревья? Земля ложи. Бедный ложи берестяную кору, богатый ложи оморочку. Деревья только детка ложи. Земля детка ложи — мамка больше детка нет. Мамка роди, маленький юрта ходи, — продолжал разговорившийся Аки, — Одна промышленляй. Шибко трудно роди. Моя старший мамка умри, детка умри.

— Так у вас что, две жены было?

Аки внимательно посмотрел на меня сбоку.

— Мужика всегда два мамка бери. Самый худой мужика одна бери... Зачем так говори? Одна!

Поняв, что обидел старика, я сменил тему разговора.

— Аки, а вы к какому роду принадлежите?

— Киманко я. Лукса — Кялундзюга. На Хоре два рода. Больше нет. Раньше люди много живи. После худой болезнь умри. Кто один тайга живи — живой ходи.

— И зверя, наверно, прежде больше было?
— О! Беда как много было, — возбуждённо закивал старый охотник. — Кабан, олень, куты-мафа, медведь шибко много было. Только соболь мало. Ружьё не купи — дорогой, собака! Сангми* делай. На большой зверь — большой сангми — «пау» делай. Зверя много, ружья нет — кушай мало.

— А сколько вы в те времена соболей добывали?

— Говорю — мало соболь. Два-три лови. Больше не лови. Соболю перевал живи. Шибко трудный охота. Один год пять лови. Второй мамка бери. Думал — новый котёл, топор купи. Хуза всё брал. Что делай без ружья?!

Проговорив так допоздна, легли спать. А я ещё долго лежал, переживая заново события памятного дня.

ЧАСТЬ II

*...Узнав тайгу, нельзя забыть её.
Юра Сотников*

ХУДАЯ ВЕСТЬ

Старики ушли в стойбище встречать Новый год**. Пират увязался за ними — проведать гвасюгинских дружков. Мне же не до праздников. План горит. Но соболя почему-то перестали тропить. За два дня нашёл всего четыре новые тропки.

Предновогодний день посвятил Крутому. Там, на хороших сбежках, стояли две ловушки. По ним соболя прошли, но в одной пружина от мороза лопнула, а другая, хотя соболь и наступил на тарелочку, не сработала. Тут я сам сплеховал: положил под капкан влажные палочки. На морозе дужки к ним примёрзли и не сомкнулись.

Вечером превратил палатку в баню: загрузил в топку смолистых поленьев, поставил на печурку полную кастрюлю воды. Когда она нагрелась, помылся прямо у выхода. После такой, казалось бы, игрушечной помывки почувствовал себя заново рождённым. Кто бы мог подумать, что несколько литров горячей воды могут так освежить.

Примерно через два часа Новый год. Почему примерно? Да потому что время определяю по будильнику, который не проверялся более двух недель: транзисторный приёмник не работает — батарейки сели. Ну и ладно. Новый год на носу! Пора накрывать праздничную чурку...

Первое января. Где-то на западе нашей необъятной страны ещё только садятся за столы нарядные женщины и мужчины, а за тысячи километров от них в недрах глухой тайги просыпается одинокий охотник. Он продирает глаза, пялит бессмысленный взор на спящих кругом мышей, стряхивает иней, затапливает печь и снова ныряет в спальник, чтобы встать, когда прогреется палатка.

* Сангми (удэг.) — самострел.

** На Новый год промысловики возвращаются в Гвасюги, чтобы сдать добытую пушнину, закупить продукты, а главное гульнуть.

Как я встретил Новый год?

Нажарил полную сковородку рябцов, приготовил строганины. Ровно в двенадцать часов (опять же по-моему будильнику), поздравил себя и всех, кто ждёт меня дома, с Новым 1975 годом. Выпив спирту, стал вслух беседовать сам с собой. Жизнь в одиночестве уже начала вырабатывать привычку смотреть на себя со стороны. И мне представился весьма странный косматый оборванец, сидящий, скрестив помусульмански ноги, на засаленном спальнике среди висящих на правилках ободранных шкурок и с блаженной улыбкой чокающийся с печной трубой, невнятно что-то бормочущий про удачу, Пудзю... А вокруг, по всему Хору, ни души. Со стороны, ей Богу, сумасшедший!

После третьего тоста на глаза попались ножницы, и я, недолго думая, обкромсал надоевшие из-за каждодневных «наледей» усы. Бороду пожалел — не тронул.

Разморённый жаркой печкой и «огненной водой», приподнял полог, чтобы проветрить палатку. Прилёг на спальник и незаметно уснул. Очнулся от пробравшего до костей холода. Дрова прогорели. В серой золе лишь красные глазки дотлевавших углей. И таким неприветливым, мрачным показался мне народившийся год. С трудом настрогал смолистой щепы и растопил печурку заново. Согревшись, залез в спальник досыпать. Окончательно проснувшись, выпил несколько кружек крепкого чая и отправился, как уже упоминал, на Фартовый.

Дед Мороз не забыл-таки заброшенного в сихотэ-алинскую глушь промысловика и преподнёс ему новогодний подарок. На Фартовом стояло всего-то два капкана на подрезку. У первого, распластавшись во всю длину, лежал чёрный красавец. У второго снег тоже истоптан. Пружина из-под колдобины выглядывает. Ну, думаю, Дед даёт, совсем расщедрился: на два капкана — два соболя! Потянул за цепочку, а он пустой. Ушёл!!!

Капельки крови пунктиром обозначали след беглеца. Метров через сто он скрылся под полуистлевшим стволом кедра. Там соболь отлежался, и сегодня уже выходил мышковать. Довольно крупный самец. Троп у него в этом районе много, и расположены они достаточной кучно.

Только собрался попить чай на солнцепёке, как услышал треск сучьев, стук клыков, грубый визг. Кабаны! Причужав меня, драчуны коротко хрюкнули и бросились врассыпную.

* * *

Дни у промысловика похожи друг на друга, как близнецы. Встаёшь, растапливаешь печь, завтракаешь, идёшь на путик, проверяешь ловушки, ставишь новые, возвращаешься, опять затапливаешь печь, колешь дрова, ужинаешь, снимаешь шкурки (если вернулся с добычей), ремонтируешь одежду, заполняешь дневник и ложишься спать. На завтра всё то же самое.

Сегодня обошёл Крутой. Пока пусто, хотя в душе уж на одного-то рассчитывал. Следов опять маловато. Что-то никак не уловлю в поведении соболей хоть какую-нибудь закономерность. Одну и ту же сопку то истопчут вдоль и поперёк, то за целую неделю ни разу не освежат ни единым следом; то бегают как угорелые и в мороз, и в снег, то сутками в тёплых норах отлёживаются.

В лагерь вернулся засветло. Луксин петушок сидел на берёзе и склёвывал почки. Увидев меня, не улетел. Привык уже и ко мне. Я поколол дрова, промазал улы кабаньим жиром. Перед сном вышел из палатки. Над головой бесстрастно мерцали

россыпи мелкого жемчуга. Созвездия не приходилось искать. Они сами бросались в глаза. Небо в этот вечер выглядело громадным куполом, вершина которого высоко-высоко, а стенки сразу за деревьями. Вокруг насквозь промёрзшая тайга, на бескрайних пространствах которой лишь кое-где разбросаны комочки жизни: звери и птицы. Чувство потерянности и заброшенности охватило меня. В лицо вонзались обжигающие морозные иголки.

Чтобы избавиться от нахлынувшей тоски и оповестить мир о том, что я жив и силен, достал ружьё и шаракнул в звёзды. Выстрел громом пронёсся по тайге и долине реки, отдаваясь многократным эхом. В ответ донёсся волчий вой, полный презрения ко всему окружающему. Выл серый не «у-у-у», как пишут в книгах, а «ьюуу-ью», хотя вряд ли можно передать все тончайшие оттенки волчьей песни.

Жутковато становится в такие минуты. Правда, чаще сам на себя страх нагоняешь. Как только начнёшь прислушиваться к каждому звуку — услышишь и скрип шагов, и хруст ветки, и хриплое дыхание зверя. Но стоит отвлечься, заняться делом — как все эти пугающие звуки исчезают. Я думаю, что и в темноте человек испытывает страх из-за недостатка информации: не видит, что происходит вокруг, вот и мерещится всякое.

Без радио вечерами в палатке тишина космическая. Только печка поухивает, да изредка то дерево в лесу, то лёд на реке стрельнет.

Самая неприятная процедура ожидает меня по утрам и никуда от неё не деться. В палатке в это время настоящий морозильник. Если под открытым небом, например, минус 36°, то в ней минус 34°C. Спальник от дыхания за ночь покрывается ломкой ледяной корочкой. Утром разогнёшь хрустящие края брезентового чехла, высунешься по пояс и, скрючившись над печуркой, как можно быстрее набиваешь её чрево дровами. Подождёшь смоляк и немедля ныряешь с головой обратно в спальник. Лежишь в нём до тех пор, пока живительное тепло не наполнит палатку. Случается, дрова с первой попытки не разгораются и тогда истязание повторяется. Чтобы уменьшить продолжительность морозотерапии, смоляк и мелкие щепки готовлю с вечера.

Прежде растопкой занимался Лукса, и только когда он ушёл в стойбище, я оценил его природную тактичность. Он ни разу не упрекнул меня за то, что встаю последним, когда в палатке уже тепло.

* * *

Возвращаюсь, по-прежнему без добычи. Что-то стали обходить соболя мои капканы. Не пойму, в чём дело. Может, неумело маскирую? Или зверьки запах рук чуют? Много бы я отдал, чтобы понять причину.

Верховья Буге совсем оскудели, даже следы кабарожки исчезли. Она теперь согревает удалого соболя. Он таки сумел загрызть столь крупную для него добычу.

По следам восстановил, как это произошло. Соболю, вжимаясь в снег, подкрался к пасущейся в ельнике кабарге и попытался в три прыжка настичь её. Шустрый оленёнок успел отпрыгнуть в сторону и помчался вниз по ущелью. Отважный хищник бросился вдогонку. Так они бежали, петляя по лесу, метров четырёхста. На выходе из ущелья их следы скрестились в последний раз. Дальше на снегу был виден лишь след кабарги. Утопая в глубоком снегу, она отчаянно металась со страшным всадником на спине. Пытаясь сбросить его, прыгала из стороны в сторону, падала на спину — но освободиться всё никак не удавалось. Цепкий наездник, опьянённый кровью, тем временем всё глубже и глубже вгрызался в шею. Прыжки кабарожки стали короче. Изнемогая, она перешла на нетвёрдый шаг. На снегу появилась кровь, кое-где валялись клочья шерсти. Дважды она падала, но поднималась. Наконец завалилась на

бок... Долина в этом месте узкая, и шоколадное, со светлыми пятнами тело кабарочки было видно издалека.

Зимой тайга не может скрыть свои тайны. Росписи на снегу выдают их в мельчайших подробностях.

Соболь уже дважды приходил кормиться. Съел часть ляжки, язык. По отпечаткам лап — матёрый. Пожалуй, самый крупный среди тех, что обитают на Буге.

Я осторожно вырезал на брюхе кабарги мешочек с мускусной железой — «струю» размером с куриное яйцо. Охотники считают настойку из выделений этой железы тонизирующим средством.

Уходя, замаскировал на подходах две ловушки. Соболь обязательно придёт к своему трофею ещё не один раз.

* * *

Привычную для меня в последнее время вечернюю тишину нарушило мерное поскрипывание лыж. Неужто Лукса?! Как был раздетый, выскочил наружу. Маленький тёмный силуэт с небольшими, почти детскими нартами выплыл из-за деревьев. Это был одо Аки. Возвращаясь на свой участок, он завернул ко мне переночевать. Радость от встречи с одо была омрачена худой вестью: Луксу положили в больницу с обострившейся язвой желудка. Обидно. Неужели до конца сезона проболит?

Перекусив, старик достал из берестяного коробка листок бумаги. Макнул его несколько раз в кружку и, помешав чай ложкой, выпил приготовленный напиток маленькими глотками. Я с любопытством наблюдал за этими странными манипуляциями.

Перехватив мой взгляд, старик похвалился:

— Шибко хорош медикамент доктор давал, однако пора новый пиши. Много букв пропади.

— Какой медикамент? — ошарашено пробормотал я.

Старик осторожно протянул мокрый листок.

— Вот.

Это был обычный рецептурный бланк, на котором едва проступали размытые буквы и синеватая печать.

— Для чего вам этот медикамент? — пряча улыбку, поинтересовался я.

— Сон дари. Медикамент пей — сон иди. Доктор хорошо лечи.

Я деликатно промолчал. Прихлёбывая чай, Аки рассказывал деревенские новости.

Тихая речь старика, потрескивание дров ласкали слух, ублаживали, настраивали на лирический лад. Я, как всегда, размечтался и унёсся мыслями к тому дню, когда с пухлыми связками шкурки появлюсь в конторе и завалю ими стол охотоведа...

— Ыууу-уу, Ыууу-уу, — донеслось из-за Хора.

Жуткий волчий вой-стон медленно нарастал и неожиданно угас на длинной плачущей ноте. Дикая тоска по крови слышалась в нём.

— Мясо проси, — прокомментировал одо Аки, невозмутимо допивая свой «медикамент». Вдруг он встрепенулся, словно вспомнил что-то важное, и даже шлёпнул себя по беленькой головке.

— Совсем худой башка стал. Лукса говори: скоро не приди, ты его капканними. Однако шибко неними. Лукса живот обмани — тайга ходи. Я его знай.

— Хорошо, если через две недели не придёт, часть капканов сниму.

Тут я не утерпел и задал вопрос, давно вертевшийся на языке:

— Аки, если не секрет, сколько вы нынче соболей взяли?

Старик нахмурился:

— Пошто соболь пугай? Моя говори — соболь новый место ходи, — и быстро пере-
вёл разговор в другое русло:

— Пошто твоя стрелка? — спросил он, указывая на висящий над чуркой компас.

— Чтобы не заблудиться, когда солнце скрыто тучами.

— Знай, знай. Пошто стрелка ходи? Пошто сам дорога не смотри? — уточнил старик.

Ему было непонятно, как в тайге можно заблудиться.

Пока разговаривали, я разулся и повесил сушить улы на перекладину. Глянув на подошву, ахнул — она в нескольких местах треснула поперёк. И поделом мне. Сушу прямо над печкой. Сколько раз Лукса говорил, что кожа от жара становится ломкой. И почему человек никогда не слушает других? Обязательно надо на своей шкуре убедиться.

Охотника, как и волка, ноги кормят. Они предмет особой заботы, особенно зимой. А улы — самая подходящая для промысловика обувь: лёгкая, тёплая и удобная. Шьют их из шкур, снятых с шеи или спины лося, изюбря. Годится и со спины кабана. Лучше всего шкуры, добытые зимой, так как кожа в это время года плотнее и толще.

Выделка кожи для ул — процесс не сложный, но длительный. Обувь из правильно выделанной кожи получается мягкой и прочной. Внутри улы выкладывают травой хайкта, специально для этого заготавливаемой. Она хорошо сохраняет тепло и в то же время служит своеобразными портянками, предохраняющими ноги от мозолей. Помимо этого в сильный мороз на ноги ещё надевают меховые чулки.

* * *

Что-то стал быстро уставать в последние дни. Всё делаю через силу. Видимо, выдохся или, как говорят спортсмены, произошло «накопление остаточной усталости». Постараюсь завтра уменьшить нагрузку, хотя это и непросто. Когда за очередной волной сопки открываются новые голубеющие дали, чем дальше обращаешь взор, тем заманчивей и богаче представляется тамошняя тайга. Так и влечёт туда, а что именно — трудно понять. Незвестность? Пожалуй. Она во все времена манила и ма-
нит людей за горизонт.

Несмотря на усталость, аппетит прорезался такой, что хоть из палатки не выходи. Уже через пару часов начинает сосать под ложечкой со страшной силой. И это понятно. Ведь раньше ходил, в основном, по накатанной лыжне, а теперь, в поисках мест богатых соболем, всё больше по целине.

Прошло ровно двадцать дней, как Аки ушёл на свой участок, но за это время ни одна западня не порадовала меня вытоптанной «ареной». Что делать? Время летит. Неужели охотвед окажется прав, и я не вытяну план?

Сегодня на соседнем ключе Улантиково нашёл, наконец, прекрасные тропки. Выставив по склонам восемь ловушек, повеселел. Надежда оживила охотничье сердце.

Однако злой рок продолжает преследовать меня. Только я спустился к ключу, как монотонно-серое небо словно разверзлось: густо повалили белые хлопья. Все мои ловушки на подрезку засыпет, а на приманку соболь по-прежнему не идёт.

Прошло два пустых дня. Сегодня вечером, словно услышав мои молитвы, унылый облачный покров, наконец, распался на рваные куски, оголив синеву небесной сферы. Красный холодный шар озарил края серых туч, отчего те потемнели изнутри ещё сильнее. Вскоре солнце скрылось за сопкой, но тучи ещё долго продолжали полыхать прощальным огнём. Стало грустно. Закат для меня — это всегда печаль, ощущение некой потери.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Мороз нынче как по заказу. Заставляет резво ходить, и в то же время не настолько силен, чтобы замёрзнуть при установке ловушек.

Поднимаясь по ключу, я заметил на пологом склоне сопки с десяток ворон, вьющихся над разлапистыми кедрками. «Неспроста летающие волки собрались», — подумал я и направил лыжи в их сторону. Шагов через двести появились сначала следы спокойно кормившихся, а затем в панике разбежавшихся кабанов. Пытаюсь по следам восстановить, что здесь произошло, как вдруг с вершины утёса, у подножия которого я стоял, донёсся грозный, леденящий сердце рык. Поднял голову и обомлел — *тигр!* Из оскаленной пасти торчали, словно финки, острые клыки. Нижняя губа нервно вздрагивала. Кончик хвоста подёргивался.

Страх пронзил моё сердце, ноги противно заныли и как будто отнялись, по всему телу волнами забегали колючие мурашки. Подобную встречу я давно ожидал и даже, признаюсь, по-мальчишески мечтал о ней, рассчитывая сфотографировать тигра. Поэтому психологически был готов и в явную панику не впал, хотя от напряжения вибрировал каждый мускул, а о своём желании сфотографировать даже не вспомнил.

Стал медленно пятиться назад. Всё время, пока тигр был в поле зрения, он так и стоял в царственной позе, не сводя с меня глаз. Его тугой хвост напряжённо замер в воздухе. Как только тигр скрылся из вида, я развернулся и, то и дело оглядываясь, заскользил в долину. Разочарованные вороны криками осуждали моё бегство.

Весь день не покидало чувство, что могучая кошка продолжает следить за мной. Перед глазами стояла огромная рыже-чёрная голова с оскаленной пастью, закрывшей, как мне показалось в тот момент, полнеба (верно говорят — у страха глаза велики). Проходя очередной кедрок, услышал шелест. Замер. Шелест повторился. Боязливо оглянулся — никого нет, а шелест всё ближе. Ну, думаю, конец — от судьбы не уйдёшь! В этот момент вижу, как по стволу спускается вниз головой, громко шурша, небольшая пичуга с коротким хвостиком и длинным острым клювом — неумолимый поползень. Непонятно, как такая крохотная птичка умудряется производить столько шума. Невольно подумалось: пуганая ворона и куста боится.

Умом я, конечно, понимал, что великий сородич удэ не собирался нападать, но тигр есть тигр. Даже размер следа пугает. Тем не менее, я был благодарен судьбе, давшей возможность увидеть так близко красу и гордость Уссурийской тайги.

Могучий, царственный зверь на фоне вековых кедров остался в памяти самым волнующим и ярким воспоминанием. Меня поразило его благородное поведение. Тигр всем своим видом как бы говорил: «Иди своей дорогой, и я тебя не трону».

К обеду следующего дня, добравшись до устья ущелья, завернул в ельник проверить ловушки возле кабарги. Но там уже ничего не было. Две непальские куницы затащили остатки оленёнка под лесину и доели его. Надо признать, что эту операцию они провели виртуозно — обошли обе ловушки стороной.

Хожу по тайге, люблю её, радуюсь тому, что у нас есть снег, морозы. Становится даже обидно за тех, кто живёт в жарких странах. Ведь они лишены нашей белоснежной сказочной зимы. Никакого разнообразия: круглый год одно и то же — бесконечное лето.

Осмелюсь не согласиться с утверждением, что зимой в тайге скучно и жизнь в ней замирает. Беспорно, летом она многообразнее, но зато недоступна взору. Это только на первый взгляд зимняя тайга сурова, безжизненна и ничего в ней не меняется. Наблюдательный же человек заметит немало перемен даже в течение одного дня. В это время вся жизнь тайги — как на ладони, ничего не утаить — следы на снегу поведают о каждом шаге. Да и мы тоже сколько наследили в окрестностях Буге. Если посмотреть сверху, так вся тайга, словно пирог, изрезана на мелкие ломтики колеями от наших лыж. Следы эти сейчас зримы, вещественны, но пригреет солнышко, и они исчезнут.

Порой так же происходит и в жизни. Доживёт человек до глубокой старости, а умрёт — никто и не заметит. Исчезнет — словно снег растает. Другой же и проживёт недолго, а люди с благодарностью вспоминают о нём долгие годы. Наверное, это и есть счастье, когда знаешь, что после тебя остаётся не снежный, а прочный, добрый след в памяти людей.

* * *

Необычно тёплый для января день. На корнях буреломного отвала наливаются солнечным светом и, созрев, падают первые капли. Потепление особых восторгов у меня не вызывает. Ночью подморозит, снег зачерствеет коркой, и соболя вообще перестанут тропить.

На путиках опять одни разочарования. Порой охватывает отчаяние, но я уговариваю себя, что время ещё есть и можно наверстать упущенное. Правда, с каждым днём эти уговоры всё больше похожи на самообман.

Единственная отрада для меня в последнее время — обед в ясный тихий день. Выберешь между деревьями солнечный пятачок. Положишь камусом вверх лыжи, на них меховые рукавицы. Под ногами умнёшь ямку. Достанешь из рюкзака сухарь, термос с чаем. Удобно усядешься — и млеешь под горячим потоком полуденных лучей¹ в окружении могучих кедров.

В сладкой дрёме стоят сопки. Редкое постукивание снующего по стволу дятла и невнятное бормотание ручья под снегом лишь подчёркивают сонную тишину. Солнышко ластится, пригревает. Кожа впитывает каждый его лучик, каждый зайчик. На душе становится легко и приятно. Забываешь о неудачах. Открываешь термос и наслаждаешься душистым сладким чаем, устремив мечтательный взор на горные дали, лёгкие облака, плывущие в прозрачной лазури...

¹ Выражение «горячий поток полуденных лучей» — не преувеличение. В конце января в этих широтах солнце в полдень так же высоко, как в Крыму.

Три дня провалялся с жестокой простудой — угодил в полынью на Разбитой. От избытка свободного времени так наточил ножи и топор, что руки теперь все изрезаны.

На четвёртый день рискнул поколоть дрова и сломал топориче. Пришлось тесать новое. Через час удобная ясеневая ручка была готова. Расколов несколько чурок выдохся и стал прогуливаться по стану.

Над головой тонко зазвенели серебряные колокольчики. Это стайка клестов облепила соседнюю ель и, перезваниваясь, принялась шелушить еловые шишки, ловко вытаскивая съятные семена. Сейчас клёсты едят больше обычного — вывелись птенцы, и родители едва успевают кормить прожорливых деток кашицей из еловых семян. Трудный экзамен придумала для них природа. Январь, мягко говоря, не самое лучшее время для вскармливания потомства.

Удивительно хорошо в тайге. И дышится легко, и думается свободно. Прав был Новиков-Прибой, говоря, что «охота — лучший санаторий».

Вечером, затопив печь, вышел за водой. Оглянувшись, обратил внимание, как робко проклёвывается дым из трубы. Остановился и стал наблюдать. Первые секунды дым выползал вяло, как бы нехотя. Постепенно жиденькая струйка оживала, набирала силу, и через пару минут из трубы уже вылетал упругий белый столб. Донеслось энергичное поухивание печурки. Дым тем временем светлел. Вот показался язычок пламени — красный, трепещущий. И вскоре не язычок, а огнедышащий шпиль рвался ввысь, освещая наше жилище. Печь же запела ровно, и чем сильнее становился жар в её чреве, тем чище и выше звучала её песня.

* * *

Ну, как снова не вспомнить поговорку: не было ни гроша, да вдруг алтын. Проверял Фартовый (опять он!). У первого же капкана кто-то метнулся за дерево. Соболь? Точно — он, голубчик! Зверёк изо всех сил рвался прочь, но железные челюсти держали крепко. Соболь яростно набрасывался на них, грыз, кроша зубы. Однако тщетно. Капкан не отпускал.

Я первый раз видел соболя живым. До чего грациозный, ловкий и невероятно красивый зверёк!

Прижав рогулькой к снегу, взял его в руки, чтобы получше разглядеть. Оказывается, глаза соболя при солнечном свете горят как изумруды. Взгляд бесстрашный, мордочка добродушная, даже не верится, что перед тобой отъявленный хищник.

Чтобы усыпить зверька, я использовал известный у промысловиков приём — «заглушку». В выразительных глазах соболя, потемневших от боли, появилось недоумение, как у человека, смертельно раненого другом. Не было в них ни злости, ни страха. Только удивление и укор. Сердце, устав биться, сокращалось всё медленней. Тело обмякло, голвка поникла, лапы вытянулись. Глаза потемнели, стали тусклыми, невыразительными.

Превращение красивого, полного жизни зверька в заурядный меховой трофей так потрясло меня, что я разжал пальцы. Через некоторое время соболь зашевелился и медленно поднял голову. Смотрел он по-прежнему убийственно спокойно. В такие минуты, наверно, и проявляется истинный характер. Его поведение резко отличалось от поведения норки и колонка в такой же ситуации. Те до последней секунды злобно шипели бы, пытаясь вцепиться в любое доступное место зубами и когтями. Соболь же понимал, что противник намного сильнее и борьба никчёмна и унижительна.

Я почувствовал, что потеряю всякое уважение к себе, если убью его. Положил соболя на снег и разжал пальцы. Зверёк не заставил себя долго ждать: встрепенулся, замер на секунду и размеренными прыжками, не оглядываясь, побежал в глубь тайги. А мои руки ещё долго хранили тепло его шелковистой шубки.

Кто-то из великих знатоков человеческих душ писал: «Бойтесь первого порыва, ибо он бывает самым благородным». Это так: повинуясь первому движению души и отпустив великолепную добычу, я уже через несколько минут испытывал сожаление — за шкуру такого зверька я получил бы немалые деньги. Но, вернувшись домой, и много позже, вспоминая этот случай, я понял, что был прав, что всё это было не зря! Что стоило поймать такого редкого красавца, а потом отпустить только для того, чтобы ощутить внезапное очищающее просветление.

Летом, в городе, когда тоска по тайге особенно сильна, я закрываю глаза, запрокидываю голову к солнцу, и перед моим мысленным взором оживает одна и та же картина: тёмно-коричневый соболек спокойно, с сознанием собственного достоинства, убегающий от меня по искрящейся белой целине. На душе становится легко и радостно.

Спустившись с кручи на пойму, я буквально отпрянул от неожиданности. На слегка припушённой лыжне отчётливо виднелись внушительные отпечатки. Тигр! Крупная сердцевидная пятка, по форме напоминающая треугольник с прогнутым внутрь основанием и закруглёнными вершинами, окаймлена веером овальных вмятин от четырёх пальцев. Опять «священный дух уд» напомнил о себе. Отметин от когтей не видно: они у тигра втяжные и оставляют следы лишь, когда зверь встревожен или готовится к нападению. Вскоре он сошёл с лыжни и побрёл по целине, вспахивая лапами снег. Тигриная борозда похожа на кабанью, но гораздо глубже, шире, с более крупными «стаканами» от лап. Сразу понятно, что прошёл хозяин тайги.

От тигриных траншей меня отвлекла пихта с ободранной на высоте двух метров корой. Сохатый? Нет, не станет он глотать кору старого дерева, да и содрано мало, всего сантиметров тридцать. Ниже задира разглядел пять глубоких борозд от когтей. Так это ж медвежья метка! С другой стороны дерева ещё один задира, метром выше. Интересно, почему они на разной высоте? Ведь обычно медведь старается ставить их как можно выше, чтобы другие, видя какой здоровяк хозяйничает здесь, остерегались нарушать границу его участка. Скорее всего, это метки медведицы и её двухлетнего пестуна.

Я направился в боковую лощину к засыпанной снегом ловушке, чтобы освежить её. Гляжу, около неё четыре рябчика прохаживаются. Пошёл за одним, так он, чудак, вместо того, чтобы взлететь, долго бежал вперевалку впереди меня. Встал на крыло лишь, когда я, развеселившись, с гиканьем хлопнул в ладоши.

День завершился неожиданным подарком. Я даже присвистнул, увидев, что в два ряда стоящих капкана, поставленных просто так, на всякий случай, попались две норки.

* * *

И опять девственный лес трещит в объятиях жгучего мороза. Опять стынут, звонко лопаются деревья. Заиндевелые кусты в хрустальном сиянии. Кедровая хвоя поблёскивает, как соболя ость. Плотный воздух вливается в лёгкие густым жгучим настоем.

Скрипучая лыжня увела меня в верховья Буге дальше обычного. На межгорном плато сразу бросилось в глаза чёрно-бурое пятно на снегу. Кабан? Лось? Почему не двигается? Может, спит? Осторожно, держа ружьё наизготовку, приблизился и увидел, что это, правда, кабан, но мёртвый. Настигшая его смерть была мгновенной. Сильным порывом ветра от сухостины сорвало массивный отщеп, и он, падая с высоты, пронзил вепря насквозь, как копьё. Оказывается, и в тайге происходят несчастные случаи. Только виновника не накажешь — ищи ветра в поле.

Ходить в сравнении с началом сезона стало заметно легче. Толща снега надёжно укрыла все поваленные деревья, кустарники, камни, и они теперь не мешают. На обратном ходе, чтобы сократить дорогу, сошёл с лыжи и покатился с горы к речке напрямки, но на скорости угодил в засыпанную пушистым снегом яму. Лыжи изогнулись, предательски затрещали и... переломились пополам. Закинув обломки на плечо, попытался идти без них, но не тут-то было. Как только опираешься на ногу, она проваливается в снег по самый пах. С трудом вытащишь её, но при следующем шаге всё повторяется.

Проковыляв так с десяток метров, взопрел. Горячий солёный пот заливал глаза. Ноги гудели от напряжения и отказывались идти дальше. Пораскинув мозгами, срубил ольху. Вытесал из неё две плоские полуметровые плашки и прибил их прямо на камус (коробочка с гвоздями, верёвочками, проволочками у меня всегда с собой). Получилось неплохо. С этими «заплатками» я так и проходил до конца сезона.

Довольный и гордый тем, что сумел устранить поломку, завернул на памятную протоку, где с месяц назад завалил секача. К оставленной мной части туши стекались собольи тропки: крупные следы самцов и миниатюрные самочек. Снег, которым я засыпал вепря, разрыт с трёх сторон.

Соболя по каким-то неуловимым для меня признакам отличают следы зверька, побывавшего у богатой добычи, и по ним выходят на место его кормёжки. Замаскировал на подходах к мясу все четыре капкана, что лежали в котомке.

На Разбитой по берегу залива на днях опять бродил тигр. Событие уже привычное, но эти следы интересны тем, что проходили сквозь заросли колючего кустарника. Похоже, могучая кошка таким образом расчёсывала свою шкуру.

После ужина допоздна ремонтировал снаряжение и одежду. Всё уже изрядно обтрёпано, изношено, но надо как-то дотянуть до пятнадцатого февраля — конца сезона. От того, что скоро домой — и радостно, и грустно. Очень хочется к родным и друзьям, но в городе, попав в сумасшедший водоворот дел и встреч, быстро отдаляешься от природы. Привыкаешь к заасфальтированным, дышащим выхлопными газами улицам, каменным домам-клеткам, к мысли, что живёшь нормально — как все. Но однажды вдруг попадётся на глаза одинокая старая ель, сохранившая в городском парке дикий, угрюмый вид, и сердце острой болью пронзит тоска по тайге, по звериным тропам, чуткой тишине зимнего леса. Однако пройдёт время, тоска опять утихнет, и городская суета затянёт в свой неутомимый круговорот. Один раз заглушишь эту тоску, второй раз, третий, но, в конце концов, плюнешь на всё, соберёшь рюкзак и в лес...

Все мои родственники и друзья в один голос твердят: «Как можно в тайге одному? Столько опасностей! Случись беда — даже помочь некому». (Лишь моя жена Танюша с пониманием относится к моей страсти). Раньше, не имея достаточного представления о таёжной жизни, я, скорее всего, говорил бы то же, что и все, но теперь смею утверждать: в тайге опасностей не больше, чем в городе. Сами звери на обострение отношений не идут. Те же ЧП, что случились со мной, справедливой будет отнести на счёт моей неопытности. В тайге всё естественно. Жизнь проще, здоровей и спокойней.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

На высоких парусах разлетелись и скрылись за зубцами гор облака. Когда я добрался до самой дальней точки Крутого, в небе царило слепящее солнце. Над бесконечными гребнями серо-зелёного моря, рассечённого белой извилистой лентой реки, изредка скрипуче гнусавил ворон.

Крутой, наконец, расщедрился и подарил крупного соболя приятного шоколадного цвета. Поднял добычу, чтобы освободить от капкана, а у него и на задней лапе капкан, только без цепочки. Тут я смекнул, что это тот самый самец, что ушёл в декабре. Здоров чертяка! Мне, когда ещё ставил капкан, показалось странным: отпечатки лап крупные, а прыжки короткие. Судя по его бравому виду, не похоже, чтобы он недоедал. А я-то расстраивался — думал, что погибнет.

В лагерь возвращался, напевая нескладные, сочинённые мной же, куплеты...

Ничто не предвещало того испытания, которое предстояло мне выдержать этой ночью...

Я уже готовился ко сну, как резкий порыв ветра наполнил палатку таким густым и едким дымом, что пришлось откинуть полог. Тут совсем рядом раздался жуткий волчий вой. Душераздирающее «ыууу-ыу» понеслось по долине, будоража тайгу. По спине пробежал озноб, руки сами нащупали и вынули из щели между спальником и брезентовой стенкой палатки ружьё и привычно вогнали патрон с картечью. Остальные патроны и нож легли рядом.

Вой доносился от подножья сопки, вплотную подступавшей к ключу. Чтобы отпугнуть зверей — волки зимой поодиночке не ходят — высунул наружу ствол ружья и полоснул ночь резким, как удар бича, выстрелом. Вой прекратился, но ненадолго. Вскоре раздался ещё ближе.

Страх сковал меня. Я понимал, что нужно немедленно что-то предпринять, однако оцепенело сидел, боясь пошевелиться. Воображение рисовало ужасную картину: волки окружили палатку и готовы ворваться, чтобы растерзать меня.

Время, будто заключив союз с волчьей стаей, тянулось невыносимо медленно. Мороз крепчал. Дров в палатке оставалось совсем немного — я не рассчитывал топить всю ночь. Приходилось экономить каждое полено. И всё же к трём часам положил в топку последнее. Когда оно прогорело, палатка стала быстро остывать. Холод проникал сквозь одежду всё глубже и глубже.

Чтобы окончательно не замёрзнуть, нужно было залезть в спальник, но сделать это мешал страх: в мешке я буду скован в движениях и не смогу обороняться.

Мысленно перебрал все вещи, находящиеся в палатке: чем ещё подкормить огонь? Но ничего не находил, а гора дров совсем рядом! Рядом и в то же время невероятно далеко — выйти из палатки и пройти пять метров до груды поленьев меня не могла заставить никакая сила. Брезентовое убежище представлялось неприступным бастионом, покинув который я стану беззащитным.

В печи дотлевали последние угольки. В конце концов, мороз победил страх, и я, с трудом распрямив затёкшие ноги, придавил вход в палатку спальником Луксы. После этого обутый, с ножом в руках забрался в мешок, где и провёл остаток ночи в тревожном забытии. Сквозь дрёму вздрагивал от каждого шороха. По мере того, как ночная мгла сменялась робким рассветом, во мне нарастала злоба на волчье племя. Восходящее солнце с каждой минутой вливало в моё сердце смелость, изгоняя вместе с темнотой страх.

Вой не прекращался. Я проверил ружьё, воткнул в чехол нож и, готовый к схватке, откинул край брезента. Солнце уже показалось в проёме между сопки. Земля чуть припудрена порошей. Держа ружьё наизготовку, крадучись пошёл мимо груды дров к месту, откуда волк выл в последний раз. Я должен был непременно убить его, и даже мысль о том, что волк не один, что там, быть может, целая стая, уже не могла остановить меня.

Приблизившись к сопке, огляделся, пытаюсь понять, куда они могли так быстро и незаметно разбежаться. Как ни странно, вокруг ни единого следа. И тут прямо над моим ухом раздалось противное и тягостное завывание. Я вскинул ружьё, но...

стрелять было не в кого! Вой издавала старая ель, раскачиваемая ветром. Я захохотал, как сумасшедший. Какой позор! Надо же так опростоволоситься! А ещё пою: «Здесь друзья мои — добрые звери и хранитель зверей — дикий лес...» Умора!!

Страх отнял у меня способность трезво мыслить, иначе бы я сообразил, что волк не станет всю ночь сидеть на одном месте возле палатки и выть, не испугавшись даже выстрела.

Когда я вечером возвратился с очередного обхода, «вой» прекратился, и больше я его никогда не слышал.

ТАЙГА ЛЕЧИТ

На Фартовом ни один из двадцати капканов не сомкнул челюсти. Ну, ничего, цыпят по осени считают — хорохорился я.

Есть на этом путике одно приветливое место, которое не хочется покидать. Это обширная, заснеженная поляна в изумрудной раме паглатых кедров. На Буге всюду, куда ни пойдёшь — непролазная чащоба. И вдруг — чистое пространство, по которому слабый ветерок перекачивает жёлтые волны вейника*. Этот контраст будоражит воображение. Сразу представляются дымящиеся юрты, охотники, возвращающиеся с добычей. А совсем близко, в тёмном распадке, затаились воины враждебного племени...

Позже Лукса подтвердит, что на этой поляне действительно когда-то было становище его предков, кочевавших по всему Сихотэ-Алиню. Непонятно только, почему они облюбовали место на восемь километров отстоящее от Хора? Ведь река — главная дорога и кормилица для таёжных жителей.

На этой поляне я всегда останавливаюсь на отдых и почти всегда вспоминаю брошенный посёлок золотоискателей в Якутии у подножья перевала на Гонам. Там мы оказались во время поисков Юры и Саши. Картина, надо сказать, довольно удручающая: стоят крепкие, добротные дома. В каждом дворе баня, летняя кухня, сарай. В центре посёлка двухэтажный дом. Рядом с ним постройка с ржавым листом, на котором угадываются буквы «МА...». Улицы, дворы, огороды уже сплошь заросли молодыми деревцами.

Мы обследовали посёлок в надежде найти следы пребывания ребят. В одном из домов на некрашеном полу я увидел куклу в выцветшем платьице. Горло невольно сдавило. Лет пятнадцать назад здесь было шумно, многолюдно. В каждом доме бурлила жизнь, а теперь тихо, как на погосте. Интересно, где сейчас хозяйка этой куклы?

И сегодня я, как обычно, остановился на краю любимой поляны. В этом оазисе, защищённом от ветров, всё млело и купалось в тёплых, ласковых объятьях февральского солнца. Расстегнул телогрейку, снял шапку. Ветерок приятно охлаждал разгорячённое ходьбой лицо.

Наблюдаю, как на кончике ветки повисает капля с бегающей искоркой солнца. Когда она налилась в полную меру, искорка испуганно забилась, словно не желая падать. Но, так и не сумев вырваться из тонкой оболочки, вместе с каплей исчезла в снегу.

В этот момент мне на голову уселась маленькая пичуга. Её остренькие коготки впились в кожу. Весело присвистнув, она дёрнула клювом волосок. От неожиданности я вздрогнул. А отважная шалунья, перепорхнув на дерево, что-то возмущённо пропищала.

Спускаясь с сопки, чуть не наехал на отдыхающих косуль. Они пружинисто вскочили и в ужасе рассыпались в разные стороны. Бег у косуль своеобразный: несколько

* Вейник — полевой злак с красивой густой метёлкой.

прыжков небольших и частых, затем один огромный, летящий, и опять череда коротких, как бы разгонных.

Буро-коричневая окраска делает их практически невидимыми среди деревьев, и только белые пятна на задку (охотники их называют «зеркалом») некоторое время мелькали между деревьями. Они копытили тут листья и траву. Рядом в снегу глубокие овальные ямки — лёжки. Эти олешки зимой деятельны только в утренние часы. После полудня они обычно отдыхают, пережёвывая жвачку.

Поднятые мной косули, судя по толстой шее и рогам, в два раза превышающим длину ушей, — четырёх-пятiletки. (У молодых шея тонкая и рожки вровень с ушами).

* * *

Под Разбитой прошла стая волков. На сей раз не мифическая, а самая что ни на есть настоящая. Вожак — матёрый волчище. Отпечатки лап — десять на шесть с половиной сантиметров. У остальных заметно мельче. По форме их след похож на собачий, но отличается расположением пальцев.

Шли гуськом, след в след. Только на крутом повороте у поваленного кедра появились разброды. Судя по ним, в стае, кроме матёрого, — волчица, два прибылых* и три переярка**. Эти лыжни не боятся. Даже немного прошли по ней.

Одинокий скиталец-тигр, делая очередной обход своих владений, вышел на след этой стаи и двинулся по нему. Теперь, надо полагать, серые не скоро появятся в этих местах. Тигр задаст им перца, поскольку с волками и собаками эти могучие кошки враждуют испокон веку.

По моим наблюдениям, в бассейне Буге живёт два тигра. У одного из них под ясенем, возле Разбитой, что-то вроде уборной. Уже не первый раз вижу там кое-как присыпанные снегом экскременты — верёвки, сплетённые из остевых волос кабаньей шерсти, — и, как ни странно, совершенно не имеющие запаха. Стало быть, КПД желудка тигра практически сто процентов.

На обратном ходе вышел на Хор посмотреть, не появились ли там норки. И не зря. По берегу петляли два свежих следа: самки и её кавалера. Они пересекли реку и скрылись в тальниках. Я пошёл было следом, но не успел сделать и пяти шагов, как почувствовал, что снег уходит из-под ног. Инстинкт самосохранения сработал мгновенно: я откинулся назад. На том месте, где я только что стоял, свинцовая вода жадно пожирала снежный пласт и, угрожающе бурля, требовала новой порции. Лёжа на краю полыньи, упираясь в снег руками, отполз на безопасное расстояние. После чего встал и вернулся на берег. Только тогда облегчённо вздохнул.

По кромке провала было видно, что лёд, укрытый толстой снежной шубой, «съело» быстрым течением, и, стоило ступить на него, он рухнул. Если бы я не успел оттолкнуться назад, то меня с лыжами на ногах сразу затянуло бы под лёд.

Этот урок лучше многократных наставлений Луксы приучил выходить на реку только с посохом и перед каждым шагом проверять им прочность ледяного панциря.

Ура-а! Ура-а! Лукса вернулся! Изрядно исхудавший, побледневший, но весёлый и всё такой же неугомонный. По стану, прыгая от восторга, носился поджарый Пират. Тоже отощал на скудных гвасюгинских харчах. Я сбросил ему с лабаза кетину. Благодарно лобызнув меня, пёс набросился на любимое лакомство.

* Прибылой — волк этого года рождения

** Переярк — волк прошлогоднего помёта.

— Немного подшаманили и ладно. Хотели ещё неделю держать. Уговорил. Задыхаться стал в каменном мешке. Каждую ночь Буге снился. Никак нельзя нашему брату без тайги. Панты вот принёс, — Лукса достал из кармана бутылочку с тёмно-коричневой жидкостью. — Панты и Буге быстро вылетат.

Истосковавшись по живому общению, я, не закрывая рта, рассказывал про свои охотничьи новости и происшествия. При этом невольно прислушивался к своему голосу. Поначалу мне даже казалось, что говорю не я, а кто-то другой. Настолько отвык от собственной речи.

Лукса, попыхивая трубкой, внимательно слушал. Узнав, что днём я чуть было не отправился кормить рыб, помрачнел:

— Чего так делал? Река — обманщица.

Помолчав, добавил:

— Однако, бата, со мной в молодости ещё хуже было. Думал, совсем конец.

Лукса раскочегарил потухшую трубку и продолжил:

— После Нового года все уже разошлись по участкам, а я, как всегда, загулял. Возвращался на Буге один. У второго прижима нартовый след шёл вдоль полыньи. Дело обычное. Вдруг слышу: «Трх, трх» — лёд лопается. Не успел опомниться, как закачался на отколовшейся льдине, будто в оморочке. Хотел по нартам перепрыгнуть на торос, но льдина маленькая, накренилась, и я в воду свалился. Одна лыжа слетела, а вторая, как парус, по течению тащит. Ладно, успел в край полыньи вцепиться и ногой вертануть так, что лыжа съехала. Лёд гладкий, руки скользят, не знаю, как выбрался. Спасибо Пудзе — пожалел. Долго потом болел, ёлка-моталка. С рекой, паря, не шути. Не ленись, всегда лёд проверяй... Говорим, говорим, однако живот есть просит. Копчёной рыбки принёс. Устал в больнице от каш. Давай пировать маленько будем.

Лукса извлёк из котомки завернутую в какую-то грязную бумагу рыбу. Вид обёртки совершенно не возбуждал аппетита. Мне даже показалось, что она покрыта плесенью. Но приятно пахнувшая дымком и сочащаяся жиром кетина оказалась великолепно. Съели всю за один присест.

Лукса взял промасленную бумагу и покачал головой:

— Совсем грязная.

«Не то слово», — мысленно поддержал я его и несколько не удивился тому, что он бросил обёртку в печку. Но когда охотник, допив чай, извлёк её обратно и положил на наш стол, я потерял дар речи: бумага была не только цела, а стала чище и белее. Впрочем, зелёные пятна, которые я принял за плесень, сохранились.

Видя моё изумление, Лукса, кивнув на бумагу, произнёс:

— Горная шкурка. На горе Ко её много. Удобная: в огонь бросил — опять чистая. Охотовед говорил — это минерал. Трудное название, не помню.

Я, наконец, сообразил, что это даннеморит — минерал, встречающийся в нашей стране только на отрогах Сихотэ-Алиня.

НЕ СЕРДИСЬ, ПУДЗЯ

Ночью снилось, будто кто-то тянет меня за ноги в чёрную бездну. Я отчаянно цепляюсь за всё подряд, но погружаюсь в неё всё глубже и глубже. Проснулся весь в поту и долго не мог успокоиться.

В палатке тепло. Лукса уже позавтракал и ушёл откапывать капканы. Через полчаса я тоже был на лыжах и брёл по Глухому. Он оправдал своё название. На нём действительно всё глухо. Ни одного свежего следа.

Вернувшись к становищу, принялся готовить ужин. Вскоре подъехал шатающийся от усталости наставник — ослаб за время болезни. Я обратил внимание, что он сильно возбуждён.

— Что-то случилось?

— Отгадай загадку, — предложил он вместо ответа. — В липе сидит, скребётся, пыхтит, тронешь — рычит.

— Медведь?

— Верно. Потеплело, вот и проснулся. Со стенок труху соскребают. Постель мягче делает. Пойдёшь со мной?

— Ты ещё сомневался?! — обиделся я.

Весь вечер тщательно готовились. Отливая в колупе^{*} пули, Лукса всё сокрушался, что тигр много ходил по одному из его путиков.

— Пока не буду туда ходить. Увидит, что следы топчу — всякое думать начнёт, сердиться будет.

— Лукса, ты же говорил, что тигр очень умный зверь. Всё понимает.

— Да, куты-мафа, что думаешь, даже знает. Подумаешь: не буду стрелять, — он понимает и тоже думает: не буду его трогать. Но когда куты-мафа далеко, он не знает, что я думаю. Не понимает, зачем по его следам хожу, и сердится.

Я не раз слышал, что некоторые промысловики до сих пор настолько боятся тигра, что стоит ему появиться на участке, бросают охоту и покидают это место, порой навсегда.

Лукса сегодня снял четырёх соболей и, хотя прошло больше месяца, ни один из них не попорчен мышами. Закончив приготовления к охоте, он раскурил трубку и задумался, глядя по обыкновению сквозь щёлку в дверце на переливы огня в печурке.

— О чём думаешь? — потревожил я его.

— Так, вспоминаю... Раньше ведь как было? Перед большой охотой к Аки с белым петухом шли. Он надевал шапку с рогами, маску — хамбабу. На пояс вешал кости медведя, рыси, железные погремушки. Под бой бубна в тайгу вёл. Там большой костёр жгли. Котёл с водой ставили. Шаман вокруг ходил, камланил, волшебные слова говорил, пахучим багульником дымил — злых духов отгонял. Как вода закипала, петуха в котёл бросал — Пудзе подарок делал. Только тогда на охоту шли. Сейчас так не делаем, а хороший охотник всё равно без добычи не остаётся...

Встали одновременно, как по команде. Не спеша собрались. Продули стволы ружей. Заткнули их комочками мха. Лукса набил печь сырым ясенем, закрыл поддувало: «Пока огонь в печке — удача с нами». И, взяв Пирата на поводок, скомандовал «Га!***». Долго шли по долине ключа. Свернув в один из боковых распадков, стали карабкаться на сопку.

Чем дальше, тем круче склон. Чтобы не скатиться вниз, всё чаще хвататаемся за кусты и подлесок. В закрытой со всех сторон ложбине Лукса встал.

— Передохнём? — спросил я.

Вместо ответа он показал на дерево в десяти метрах от нас. Я понял — пришли!

Липа была старая, с раздвоенным стволом и тёмным зевом у развилки.

Пират, почуяв запах зверя, вздыбил шерсть и взволнованно завертелся вокруг неё, шумно вынюхивая, откуда сочится медвежий дух. Найдя это место, принялся грызть ствол, повизгивая от возбуждения.

Лукса снял лыжи и, подойдя к липе, прижался к ней ухом — внутри тихо.

Я тем временем метрах в семи утрамбовывал небольшую площадку, обламывал закрывающие обзор ветки. Тот, кто бывал на медвежьей охоте, представляет, с какой тщательностью всё это выполняется.

* Колуп — форма для литья пуль.

** Га (удэг) — пошли.

Лукса поручил мне держать под прицелом лаз, а сам обухом топора принялся бить по стволу — будить лежебоку. Стукнув раз десять, замер. Стая снежинок закружилась в воздухе. В томительной тишине, казалось, был слышен шелест их падения. Лукса ударил ещё раз четыре, но косолапый либо крепко спал, либо затаился. У меня стали мёрзнуть руки. Указательный палец уже не чуял спускового крючка. Нервный озноб усиливал ощущение холода.

Видя моё состояние, наставник подошёл, чтобы дать мне возможность отогреть руки в меховых рукавицах и обмозговать, как выманить засоню.

— Будем стрелять по стволу. Заденем — вылезет, — решил он.

Поочередно всадили четыре пули, стреляя каждый раз всё ниже и ниже. Из дупла ни звука.

Теперь Лукса взял лаз под прицел, а я принялся рубить отверстие в месте, подсказанном собакой. Дерево поддавалось с трудом, и, когда я выдохся, Лукса сменил меня. Прорубив, наконец, небольшое отверстие, он припал к нему одним глазом. Через некоторое время обернулся и приложил обе руки к щеке — спит. Я подошёл и тоже заглянул в дупло. Густо пахло прелой древесиной. Когда глаз привык к темноте, разглядел внизу чёрный ком. Длинная шерсть чуть колыхалась. Мне даже почудилось сладкое посапывание.

Чтобы не портить медвежью квартиру, решили поднять мишу и стрелять на выходе. Лукса отломил длинную ветку и заострённым концом принялся тыкать в зверя. Медведь завозился, рывкнул и, видимо, схватил ветку лапой, так как она мгновенно исчезла в дупле. Потом гулко заворочался и стал карабкаться по пористым стенкам древесной трубы наверх. Вот из лаза показались широкие лапы, оскаленная пасть.

Я выстрелил. Медведь взревел и, к нашему ужасу, медленно скрылся в утробе липы. Глухой удар подтвердил преждевременность выстрела.

Наставник наградил меня свирепым взглядом и, срезав ветку потолще, опять потыкал медведя. Тот не реагировал. Лукса произнёс традиционное:

— Не сердись, Пудзя. Состарился совсем медведь. Не ругай за испорченную берлогу — медведь сам виноват. Мы долго просили выйти. Не послушался.

Расширив топором дыру, вдвоём кое-как вытянули косолапого. Когда рассматривали его в «глазок», Лукса определил: пестун. Мне же показалось, что перед нами чуть ли не медвежонок. Ошиблись оба. «Медвежонок» оказался довольно крупным самцом килограммов на сто двадцать — сто тридцать (гималайские мельче бурых). В дупле, у самого дна, в мягкой трухе имелось глубокое комфортабельное ложе, оно то и скрадывало истинные размеры хозяина.

Не теряя времени, начали свежевать добычу. Иссиня-чёрную, с серебристым глянецом «шубу» с белоснежной чайкой на груди (из-за неё гималайского медведя ещё величают белогрудым) снимали аккуратно — Лукса обещал после выделки подарить её мне.

Глядя на длинные, слегка загнутые клыки, я невольно поёжился. Один из них, верхний, был сломан и, похоже, давно — место слома уже отполировалось.

Медведь оказался довольно упитанным. По бокам и на ляжках слой сала в полладони, на спине и лапах — с палец, а внутренности так буквально залиты жиром.

— Запасливый лежебока, — радовался наставник.

Закончив свежевать, разрубили тушу на части и забросали снегом. Сердце, печень и часть мяса сложили в рюкзаки. Лукса ещё вырезал, предварительно перетянув шейку верёвочкой, целебный жёлчный пузырь. Поколебавшись, вынул глаза медведя и, подойдя к дереву, положил их на толстый сук, навстречу первым лучам солнца.

— Пусть Пудзя видит, что мы соблюдаем закон, — сказал охотник.

Пока разделявали добычу, двигались мало и основательно продрогли. Споро наломав сушняк, запалили костёр. Повалил густой дым. Оранжевые язычки пламени

пробились сквозь него и с весёлым потрескиванием разбежались по веткам во все стороны. Слившись в горячее, трепещущее полотнище, взметнулись в холодную высь.

Бывалый таёжник достал из своей котомки мешочки с сахаром, чаем и прокопчённый котелок. Я набил в него снег и подвесил на косо воткнутую палку. Лукса подложил ещё сучьев и, шуря глаза, пододвинулся к костру:

— Люблю огонь. Он живой. Рождается крохотным язычком, а покормишь дровами — вырастает до жаркого солнца. Согреет и умирает.

Действительно, пламя костра завораживает, глядя на него, как будто попадаешь под гипноз невидимых сил. Неслучайно наши предки боготворили и берегли огонь.

— Костёр обещает ясную погоду, — неожиданно изрёк удэгеец.

Я с недоумением глянул на него.

— Чего глаза вывернул? Не на меня смотри, на костёр смотри, — довольный произведённым эффектом, произнёс Лукса. — Видишь, по краю угли быстро покрываются пеплом — быть солнцу. Если тлеют долго — быть снегу.

Попив чаю и отогревшись, зашагали к «дому».

Добрались засветло и пировали до ночи. Лукса, забыв про язву, отправлял в рот самые жирные куски. Когда я пил наваристый бульон вприкуску с сухарём, у меня во рту что-то хрустнуло. От неожиданности я охнул. Неужто зуб? Схватил зеркало — точно: передний клык обломился.

— Отомстил миша, — прошептал суеверный удэгеец.

— Лукса, да медведь тут совсем не при чём. Зуб был мёртвый, просто время пришло, — возразил я, хотя сам тоже невольно вспомнил сломанный клык.

ТАЛА

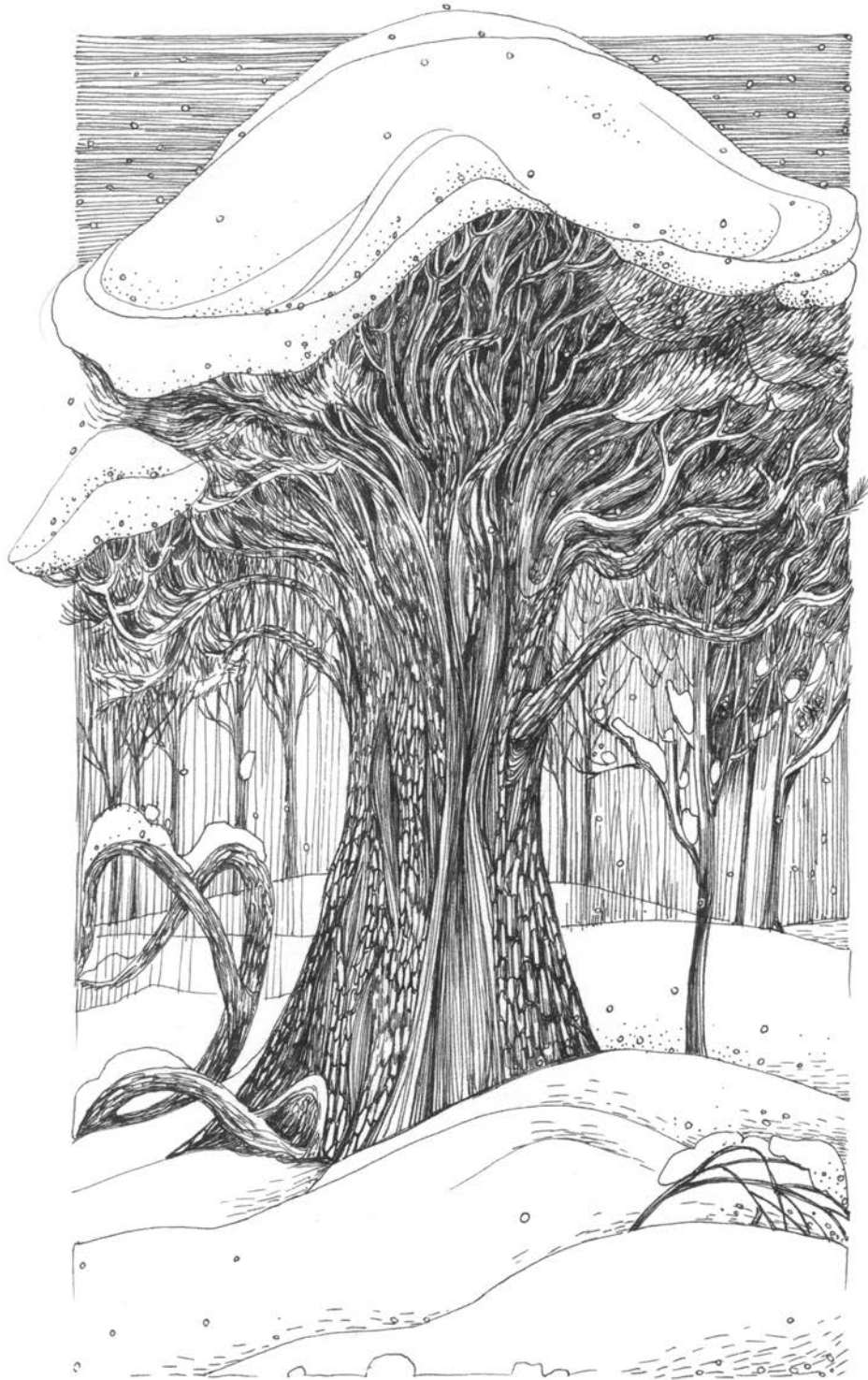
Выхожу всё раньше и раньше, а возвращаюсь всё позже и позже. И это при том, что день заметно удлинился. Если в начале сезона я ходил по пять-шесть часов и путики были не более пятнадцати километров, то сейчас путики вдвое длиннее и снег месишь, зачастую по целине, десять-одиннадцать часов кряду. Однако светового дня всё равно не хватает — так хочется найти более уловистое место и расставить как можно больше ловушек.

Этой ночью приснилось, как будто поймал двух соболей, причём второго — в последнем капкане в конце путика. Наяву всё так и произошло. Первого снял в теснине между сопок. Правда, если бы прошёл хоть небольшой снежок, я уже не разыскал бы его: от постоянных ветров снег в этом месте спрессовался, и соболю, протаскивая капкан с потаском более ста метров, оставил на нём лишь едва заметные царапины. По ним-то и обнаружил зверька, застрявшего в переплетении лоз дикого винограда. Второй, действительно, оказался в последнем капкане под скалистой кручей.

Вечером, выслушав мой рассказ, Лукса сказал:

— Хороший охотник видит зверя сквозь сон, — и, привычно глядя в огненный зев печурки, добавил: — Настоящим охотником стал. Человека шибко трудно разглядеть — время надо, но на медвежьей охоте сразу видно. Я всё думал, что за парень? Городской, а в тайгу пошёл. Боялся, опасность будет — оробеешь, подведёшь. Теперь так не думаю. Возле медвежьей квартиры не всякий может стоять. Давай, бата, следующий сезон опять вместе соболя промыслять. Зимовье поставим. Тепло, просторно будет.

От таких слов у меня приятно защемило сердце. Упругий, судорожный ком сдавил горло. Не в силах вымолвить ни слова, я молча пожал сухую, крепкую руку наставника. Нахлынувшее чувство признательности искало выход. Хотелось сделать

что-нибудь приятное для этого скупого на похвалу человека, ставшего мне близким, почти родным за время охоты. Я снял с себя серый, толстой вязки шерстяной свитер и смущённо протянул ему.

Лукса обрадовался подарку, как ребёнок.

— Спасибо, бата. Надевать буду, тебя вспоминать буду.

Надо сказать, мне здорово повезло с наставником. Впервые я по-настоящему осознал, как мне не хватает его, в тот день, когда он не вернулся из стойбища после Нового года. С ним было легко и надёжно. Общение с ним учило меня понимать тайгу, повадки зверей, птиц; я стал чувствовать себя частицей этого великолепного и богатого края.

Через неделю завершится промысловый сезон. Охотники покинут свои участки, и на всём протяжении Хора, от истоков до Гвасюгов, река опустеет. А кажется, только вчера я вынимал из капкана своего первого соболя. Вот уж действительно — время на охоте течёт медленно, только когда готовишь ужин.

На обрывистых южных берегах снег начал подтаивать. Кое-где даже выросли настоящие сосульки. В воздухе завитал свежий хвойный аромат. Тонконогий паук, обманутый теплом, вылез из своего убежища и разгуливал по отмякшему снегу.

В бассейне Буге есть ещё один уголок, посещение которого всегда волнует меня. Находится он в конце Глухого. В этом месте растёт диковинное дерево: искорёженный временем тис или «негной-дерево». Внешне нечто среднее между елью и кедром. На нём из-за обилия веток с густо растущими плоскими хвоинками к концу зимы скапливается гора снега. Видимо, по этой причине верхушка обломана, а ствол расщеплён почти до основания, отчего он напоминает старый гриб с треснутой красноватой ножкой и массивной шляпкой — белой сверху, зелёной снизу.

Негной-дерево доживает до сказочного возраста в три-четыре тысячи лет. Растёт оно очень медленно и достигает метр в обхвате к исходу второго тысячелетия. Мой тис, судя по толщине ствола, был старцем ещё до возникновения Киевской Руси.

Тис — древнее, но, к сожалению, вымирающее дерево. Относится оно к хвойным, но хвоя ядовита и почти не содержит смолы. Вредители избегают его. За странные для хвойной породы плоды, похожие на ягоды рябины, тис ещё называют елью с красными ягодами. На моих путиках всего два таких дерева: здесь и на Крутом. Оба не первой молодости, а принять эстафету, длящуюся миллионы лет, некому — вокруг ни единой поросли.

С обхода пришёл раньше обычного. Решил порыбачить под скалами напротив становища. Наскоро хлебнув чайку, спустился на лёд. Разгрёб улами снег, и из-под лезвия топора полетели гранёные, с хрустальным переливом осколки. Через десять минут лунка была готова. Опустил в непроницаемую тьму «краба» и, слегка подёргивая леску, склонился в ожидании. За полчаса ни одной поклёвки. «Может, перейти к границе между спокойной водой залива и стремительным течением основного русла?» — заколебался я, как вдруг — резкий рывок. Подсёк и, перехватывая, тяну леску на себя. Она больно режет пальцы. Сильная рыба сопротивляется отчаянно, но всё-таки это не тот пудовый таймень, с которым мне довелось тягаться на реке Арму лет шесть назад. Вскоре крупный, упругий ленок, отливая пятнистой коричневой чешуёй, забился на снегу. За ним с интервалом в несколько минут вытащил ещё двух. После этого — как обрезало, клёв прекратился. Закинул ленок на лабаз. Вечером Лукса приготовил из них отменную талу*. Тот, кто ел, подтвердит — нет ничего вкуснее.

* Тала — излюбленное блюдо северных народностей. Готовится из сырого мяса ленка, тайменя, хариуса.

Приготовить её может каждый. Для этого необходимо лишь поймать ленка, а ещё лучше — тайменя. Слегка подморозить, после чего отсечь голову и хвост. Надрезать шкуру вдоль спины и брюха. Сняв её, отделить мякоть и нашинковать тонкую янтарно-жемчужную лапшу. Посыпать солью, сбрызнуть уксусом, перемешать и снова подморозить. Всё! Блюдо готово. Да какое! В тайге много деликатесов, но вкуснее этого я не едал. Кладёшь щепотку на язык, и во рту тает что-то божественное.

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

Ночью прошёл самый обильный за эту зиму снегопад. Тайга стала густой, как летом, только не зелёной, а белой. Ветви, придавленные тяжёлой кухтой, безвольно согнулись до земли.

Не напрасно я держал весь сезон несколько капканов на приманку. Сколько раз приходилось подправлять просевшие хатки, докладывать мяса. И вот, наконец, пробил их час. Не хватает уже соболю мышей. Многочисленные в начале зимы, теперь они редко попадают ему на обед. Опытный Лукса ещё в ноябре говорил, что к концу зимы соболю всё равно пойдёт на приманку.

На Фартовом до сих пор стояло три хатки. В первой соболю, доставая мясо, как-то изловчился и переступил тарелочку. В другой, ещё до прихода соболя, в капкан попала сойка. Тот, не будь дураком, съел и её, и приманку. В надежде, что он вновь посетит это место, положил свежий кусок кабанятины и перенасторожил ловушку.

Дойдя до вершины путика, завернул на обратный ход и увидел на «мёртвой» пороше свежайший след соболя, терявшийся в широком зеве распадка. «Попробую догнать», — загорелся я. След попетлял по склонам и привёл... к хатке, оставленной мною три часа назад.

За небольшой промежуток времени здесь произошли большие перемены. В капкан опять угодила сойка, и два соболя, привлечённые её криком, уже полакомились ею и отдыхали в снежных норах неподалёку. Я насторожил ещё три ловушки с таким расчётом, что если в одну из них снова попадёт сойка, то оставшиеся не дадут соболям безнаказанно уйти. А приманку затолкал поглубже и закрепил палочками.

На подходе к стану меня догнал довольный Лукса — снял трёх соболей и всех на приманку. Быстро он навёрстывает упущенное за время болезни!

* * *

Сегодня планировал вернуться с охоты пораньше, чтобы просушить, вытряхнуть спальники и наколоть дров. Но соболю, неторопливо бежавший поперёк ключа, спустил все мои карты.

Глядя на свободный бег зверька, я невольно залюбовался им. Сколько ловкости, изящества в его движениях! Заметив меня, соболёк, почти не меняя темпа, пересёк пойму и стал взбираться по обрывистому склону. Я с лихорадочной поспешностью рванул за ним, но, увы... Подъём, который соболю взял легко и быстро, я месил, увязая в сыпучей снежной крупе, минут пятнадцать. Когда мучительное восхождение закончилось, передо мной открылась ещё более безрадостная картина — за пологим бугром вздымался не менее крутой склон.

Карабкаясь на него под гулкие удары сердца, невольно вспомнились слова Луксы: «Соболю от охотника никогда вниз не идёт. Всегда вверх».

Одолев подъём, побежал вдоль следа. Широкая терраса привела меня в соседнюю падь. Соболю успел там так напетлять, что моего охотничьего опыта было не достаточно, чтобы расшифровать эти письмена.

В сердцах плюнул и побрёл к стану собольей стёжкой, не обращая на неё поначалу внимания, но метров через двести она неожиданно оборвалась у берёзы. Меня это озадачило. Обошёл вокруг — дальше никаких следов. Зато между корнями обнаружил лаз. По обледенелой горловине понял, что соболь пользуется им довольно часто.

Сгущающаяся темнота торопила: обтоптав снег у ствола, насторожил перед лазом две ловушки.

Насилу дождавшись утра, чуть свет побежал к берёзе, хотя мало верил в удачу.

Напрасно! Соболь угодил в капкан сразу, как только вышел из убежища. Метнувшись в сторону, попал во второй. Этому трофею я радовался вдвойне, поскольку достиг заветного рубежа — выполнил план по соболю и тем самым утёр-таки нос охотоведу, не одобрявшему решение директора госпромхоза о приёме на работу худшего городского очкарика.

В амбарчике, где соболя съели вместе с приманкой двух соек, попалась... сойка. И всё повторилось по отработанному сценарию, в последнем акте которого я опять остаюсь с носом.

Деловые соболя уже понарили вокруг жилых нор, а в сторонке в небольшом углублении устроили уборную. Нагуливая жир на дармовом питании, они, наверняка, посмеивались над незадачливым охотником. Зло взяло. Сколько ж они будут издеваться надо мной?!

Расставил все имевшиеся капканы у лазов, на тропках, вокруг приманки и тщательно замаскировал свои следы. Послезавтра на этом путике всё снимаю — неужели никого из них не успею поймать?

* * *

Сегодняшнее утро подарило восход, напоминающий извержение вулкана. Прямо над тёмным конусом горы разгоралось бордовое зарево, обрамлённое клубами тяжёлых, почти чёрных туч. Имитация извержения была настолько правдоподобной, что я невольно прислушался — не слышно ли гула?

Вчера разоружал Глухой, нынче очередь Крутого. Один из тех хитрых обжор, что столько дней безнаказанно пировал на дармовых харчах, всё же попался. Второй оказался хитрей и покинул место, где каждый день лязгают железные челюсти.

Сходил к берлоге, забрал остатки мяса. Лукса большую часть за эти дни уже перенёс на лабаз. Прорубленное в липе отверстие промысловик по-хозяйски заделал двумя слоями коры, плотно прибив её к стволу деревянными клинышками: бережёт берлоги на своём участке.

Почерк бега соболей изменился. Заметно, что они возбуждены, проявляют повышенную активность. Бегают в основном парами и всё больше прямо, ни на что не отвлекаясь. Лукса говорит, это ложный гон начался. Настоящий будет в июле. А поскольку беременность у соболюшек длится около двухсот восьмидесяти дней, потомство появится, как положено, — весной.

ПРОЩАНИЕ

Четыре месяца пролетели, как быстрая птица. Завтра выходим. Я уже предвкушаю жаркую баню с душистым берёзовым веником, просторную светлую избу, чистые постели. Что ни говори, а некоторые неудобства палаточной жизни со временем начинают утомлять. В зимовье они не так заметны. По крайней мере, в нём можно выпрямиться во весь рост, да и топить печь постоянно не требуется.

Впервые собрался на охоту раньше Луксы. Над промёрзшими вершинами хребта едва затлел рассвет, а я уже стоял на лыжах. Путик решил пройти в обратном направлении: сначала по пойме, а потом по горам. Дело в том, что к середине февраля солнце к полудню поднимается уже высоко и снег на пойме, подтаивая, липнет к камусу тяжёлым бугристым слоем.

У ближней протоки открылась радующая взор любого промысловика картина. Снежный покров истоптан мелкими следочками норки, а на краю промоины торчит пружина. Ну, думаю, подфартило напоследок. Осторожно потянул на себя цепочку. Капкан пошёл неожиданно легко, и... (о, ужас!) между дужек лишь коготки. Ушла!

Я совершил ошибку, прикрутив два капкана к общему потаску. Это рационализаторство вышло боком: когда норка сдёрнула первый, второй капкан сработал вхолостую. Проклинаю свою «изобретательность», рванул напрямик на перевал. Там на свежих тропках стояло три ловушки, и я надеялся, что напоследок фортуна всё же улыбнётся мне. Но, увы...

Эти утренние неудачи поначалу расстроили меня. Но с каждым шагом в душе пробуждалось и нарастало ощущение той богатырской силы, от которой, как во сне, всё легко и просто. От того, что так весело и щедро смеётся солнце, искрится снег, оттого, что план выполнен и будет хороший заработок, оттого, что скоро домой — настроение стремительно улучшалось.

Сердце наполнило ликование, рвавшееся мощной лавиной из груди. Чтобы дать выход этому восторгу, я во всё горло завопил марш «Прощание славянки». Теперь можно не бояться, что обитатели Буге, не выдержав моего кошмарного пения (слух у меня отсутствует напрочь), в панике разбегутся. Зато эта необычайно красивая и жизнеутверждающая мелодия очень точно отражала моё состояние: редкое, незабываемое ощущение счастья, любви ко всему на свете. Казалось, что и тайга отвечает взаимностью, восторгаясь и ликуя вместе со мной.

Вечер посветили упаковке снаряжения и добычи. Палатку, печку, капканы оставляем здесь — Лукса решил рубить зимовье сразу после ледохода — когда сюда можно будет подняться на моторной лодке.

Почаёвничав, разлеглись на шкурах и долго обсуждали итоги сезона, строили планы на будущее. От мысли, что завтра покидать этот исхоженный вдоль и поперёк ключ, милые сопки — защемило сердце. Долгих восемь месяцев не будет у нас чаепитий у жаркой печурки, неторопливых, задушевных бесед, чувства приятной усталости от настоящей мужской работы...

Утром позавтракали последний раз в палатке, ставшей для нас практически родным домом. Загрузили нарты, впрягли в них Пирата. Окинули прощальным взглядом гостеприимный Буге и, отсалютовав из ружей, тронулись в путь, толкая нарты шестом-правилком.

Из памяти невольно всплыли строки из Юриного стихотворения:

Тайга, тайга, мне скоро уезжать...

И где бы не лежал мой путь,

Я знаю, что вернусь к тебе обратно...

Проходя мимо «святой семейки» — деревянных идолов, Лукса остановился:

— Спасибо, Хозяин. Мы плохие охотники, но ты много соболей дал.

И, почтительно приложив руку к сердцу, пошёл дальше. Я, на всякий случай, проделал то же самое. За время охоты у меня выработалась привычка соблюдать местные языческие ритуалы.

Конечно, успех охоты в основном определяется знанием и упорством промысловика, но бывает, что и умудрённый опытом таёжник терпит неудачу. И тогда он

готов поверить в разного рода приметы, предзнаменования. Хотя зачастую всё дело в слепом случае, который может повлиять на исход сезона как новичка, так и бывалого промысловика.

Невзлюбившая нас погода усердно пакостила и в этот день. Едва успели пройти Разбитую, как повалил сырой снег. Тёплый ветер склеивал снежинки в тяжёлую влажную массу, прилипавшую к лыжам и нартам. Правда, когда лыжи промокли насквозь, снег липнуть перестал, но от «выпитой» лыжами и камусом влаги они превратились в пудовые кандалы. Сами мы стали похожи на мокрых куриц.

Тем не менее до Джанго добрались сравнительно быстро, но дальше русло на протяжении километра покрывала льдистая каша свежей наледи, отнявшая у нас много сил. Идти с прежней скоростью уже не могли.

Лукса, привычный к таким переходам, подбадривал, но я совершенно выдохся. Горячий солёный пот заливал глаза. Шёл на автомате, словно в полусне, не представляя ни сколько сейчас времени, ни где мы находимся. Не заметил, как посерел и умер, уступив место ночи, день. В голове крутились бессвязные обрывки мыслей, среди которых назойливо повторялась только одна: «Идти... иди...»

Казалось, этому кошмару не будет конца. Тёплый южный ветер как-то незаметно сменился на западный — холодный. Начало подмораживать.

Из мокрых куриц мы медленно превращались в рыцарей, одетых в ледяные латы. Теперь каждое движение требовало дополнительных усилий. Не понятно как, но я потерял рукавицы. В довершение ко всему, на правой лыжине порвалось крепление. Надо было заменить ремешок, но от усталости мной овладело полное безразличие, и я притулился к торосу.

О-о-о!!! Какое это блаженство — сидеть и не шевелиться. Мысли смешались, закружились быстрее и быстрее...

Луксе понадобилось немало времени, чтобы привести меня в чувство. Крепление уже было отремонтировано. Я встал и, пошатываясь, побрёл за наставником. Как добрались до стойбища — не помню. К действительности вернул дружный лай гвасюгинских собак. К дому Луксы подошли в пятом часу ночи.

Мне едва хватило сил раздеться и упасть в приготовленную постель...

Когда открыл глаза, долго не мог понять, где нахожусь. Поразили непривычное тепло, тихая музыка, простенький коврик на бревенчатой стене. Наконец, сообразил — я в Гвасюгах, у Луксы.

Ура!!! Не надо больше заботиться о дровах, ставить на морозе капканы, ходить по целине, карабкаться по крутым склонам.

Сладко потянувшись, уткнулся в подушку и вновь забылся глубоким, безмятежным сном младенца.

*Написано 19.01.1988 г. город Уфа.
Отредактировано 25.04. 2016 г. город Ялта.*

